

Х О С Е Р И В Е Р А

ТИШИНА

ПОСЛЕ КРИКА

Тишина после крика

Хосе Ривера

Настоящее издание является художественным произведением. Персонажи, диалоги, сюжетные линии, организации, события и обстоятельства, описанные в книге, созданы в рамках авторского художественного замысла. Произведение не является документальным исследованием, журналистским расследованием или утверждением о фактах в отношении конкретных лиц, организаций либо событий. Любые возможные совпадения с реальными лицами, организациями, названиями, общественными спорами, судебными делами или иными обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными. Реплики, мнения и оценки персонажей относятся к художественному повествованию и не выражают позицию автора в отношении конкретных реальных лиц или организаций.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Мокрый след

Глава 2. Молчание

Глава 3. Эксперты по вызову

Глава 4. Голос из темноты

Глава 5. Трагедия в Уэйко. Русское эхо

Глава 6. Пазловые люди

Глава 7. Дневники инквизитора

Глава 8. Мертвый город

Глава 9. Вне контура

Пролог

Андрей сидел в салоне своего внедорожника, не выключая двигатель. Фары выхватывали из темноты глухую стену соснового бора у обочины заброшенного шоссе под Выборгом. Стеклоочистители монотонно, со скрипом гоняли по лобовому стеклу водяную пыль. Этот звук — *вжух-вжух, вжух-вжух* — казался Андрею метрономом, отсчитывающим остатки его рассудка.

На пассажирском сиденье лежала старая кассета формата VHS в потертom пластиковом подкассетнике без надписей. Ее подбросили под дверь его городской квартиры три часа назад. Андрей не стал вызывать полицию. Он знал, что если в дело вмешаются люди в форме, цепочка оборвется. В его мире — мире крупных инвестиций и жесткого аудита — доверие стоило дорого, а государственные структуры слишком часто напоминали неповоротливый механизм, способный лишь раздавить то, что пытался защитить.

Он потянулся к бардачку, достал портативный видеоплеер с небольшим экраном — старую рабочую игрушку, которую когда-то использовал для проверки записей безопасности на объектах. Пальцы слегка дрожали, когда он вставлял кассету. Механизм с тихим щелчком заглотил пластиковый корпус. Экран моргнул, заливая салон тусклым синеватым светом.

Сначала появился шум — белый шум аналоговой ленты, похожий на шорох сухого осеннего листа по бетону. Затем картинка стабилизировалась.

Это была комната без окон. Серые бетонные стены, тусклая лампа под потолком. В центре кадра стоял простой деревянный стул. На нем сидел Денис. Его девятилетний сын.

Андрей затаил дыхание. Сердце забило в горле, мешая дышать. Денис был одет в ту же синюю куртку, в которой уехал в лагерь две недели назад. Но его лицо... На нем не было следов побоев или страха. Оно было пугающе спокойным. Мальчик смотрел прямо в объектив камеры, но взгляд его казался пустым, словно направленным сквозь стекло, в какую-то иную, недоступную взрослым реальность.

За кадром раздался голос. Он не был изменен модулятором. Это был глубокий, мягкий, почти отеческий баритон человека, привыкшего говорить перед большой аудиторией. В его интонациях слышалась спокойная уверенность лектора или священника.

— Ты думал, что контролируешь свою жизнь, Андрей, — произнес голос. — Ты считал, что твои цифры, твои отчеты и твои миллионы могут защитить то, что тебе дорого. Но ты забыл самое главное. Ты отдал своего сына миру, который давно прогнал. Ты оставил его среди тех, кто торгует душами под видом заботы. Мы не похитили его. Мы изъяли его из зоны заражения.

Картинка на экране дернулась. Денис медленно поднял руку и показал на камеру ладонь. На его ладони синим маркером был нарисован странный символ — круг, перечеркнутый тремя параллельными линиями.

— Он больше не принадлежит твоей системе, — продолжил голос. — Теперь он там, где его научат видеть истину. Если ты хочешь вернуть его, тебе придется пройти его путь. Но помни: каждый твой шаг назад приближает его к окончательному очищению. А очищение требует жертв.

Экран снова залило синевой, а затем — мертвой рябью белого шума.

Андрей медленно опустил голову на руль. Лоб уперся в холодную кожу. Внутри него росла пустота — холодная, как ноябрьский дождь за окном. Он вспомнил их последний разговор с Денисом на вокзале перед отправкой поезда в лагерь «Светлый путь». Мальчик просил его остаться, не уезжать в очередную командировку в Женеву. Денис держал его за рукав дорогого пальто и тихо говорил: «Папа, там, в лесу, темно. Там есть люди, которые смотрят из-за деревьев».

Андрей тогда лишь рассмеялся, потрепал сына по плечу и сказал, что в современном лагере с круглосуточной охраной и видеонаблюдением никаких «людей из леса» быть не может. Он верил в технологии, в контракты, в систему безопасности, за которую заплатил тройную цену.

Теперь эта вера лежала перед ним в виде куска магнитной ленты.

Он посмотрел на свои часы. Циферблат светился мягким зеленым светом. 23:45. Время, когда нормальные люди спят. Но для Андрея сон закончился три дня назад, когда

директор лагеря позвонил и дрожащим голосом сообщил, что Денис не вернулся с вечерней прогулки по территории.

Андрей включил передачу. Внедорожник мягко тронулся с места, разрезая фарами ночную мглу. Он ехал туда, где все началось — к запертым воротам лагеря «Светлый путь». Он знал, что полиция уже прекратила активные поиски в лесу, списав все на несчастный случай на воде. Но Андрей не верил в несчастные случаи. Он верил в причинно-следственные связи. И сейчас эти связи вели его в самую гущу карельских болот, туда, где человеческая жизнь стояла не дороже старой кассеты.

Дождь усиливался, превращая дорогу в скользкую серую ленту. Андрей ехал вперед, и в такт движению дворников в его голове стучала одна и та же мысль: *Я найду тебя, Денис.*

Глава 1. Мокрый след

Дорога от федеральной трассы к лагерю петляла между вековыми карельскими соснами, то взбираясь на песчаные холмы, то ныряя в низины, где туман стоял такой плотный, что фары внедорожника едва пробивали его на несколько метров вперед. Дождь, начавшийся еще в Ленинградской области, здесь, ближе к границе, превратился в сплошную водяную стену. Тяжелые капли с глухим стуком разбивались о капот, и этот монотонный шум сливался с гулом ветра в кронах деревьев.

Андрей вел машину автоматически, почти не глядя на навигатор. Его разум, привыкший к четким алгоритмам и финансовым моделям, сейчас работал на пределе возможностей, пытаясь структурировать хаос последних суток. В его прежней жизни — жизни успешного инвестиционного аудитора — любая проблема имела цену и решение. Нестыковка в отчетах устранялась дополнительной проверкой, конфликт с партнерами — компромиссом или жестким юридическим давлением. Но сейчас, когда на заднем сиденье лежала кассета с записью его сына, все его прежние инструменты казались бесполезными игрушками.

Он вспомнил рекламный буклет лагеря «Светлый путь», который бывшая жена Елена прислала ему на электронную почту два месяца назад. «Элитный центр детского отдыха в экологически чистом районе Карелии», — гласил заголовок. На глянцевых фотографиях улыбающиеся дети занимались парусным спортом, собирали роботов и позировали на фоне современных деревянных коттеджей. В тексте особо подчеркивалась безопасность: закрытая территория, круглосуточная военизированная охрана, современная система видеонаблюдения без слепых зон. Андрей тогда лишь мельком взглянул на стоимость смены — сумма была внушительной, но для него несущественной — и перевел деньги, чувствуя привычное облегчение от того, что долг отца выполнен в твердой валюте.

Теперь, подъезжая к массивным воротам из темного дерева, он видел совсем другую картину. В свете фар лагерь выглядел заброшенным форпостом среди дикой тайги. Высокий забор из металлической сетки, увенчанный рядами колючей проволоки, уходил в темноту леса. На воротах не было никаких приветственных вывесок, только небольшая табличка с лаконичной надписью: «Детский центр. Вход воспрещен».

Из деревянной сторожки, кутаясь в брезентовый плащ, медленно вышел охранник. Он не торопился открывать ворота, долго разглядывал номера машины, затем подошел к стеклу водительской двери.

— К кому? — хмуро спросил он, даже не пытаясь перекрычать шум дождя.

— Я Андрей Воронов. Отец Дениса, — ответил Андрей, опуская стекло. Холодные капли тут же ударили ему в лицо.

Лицо охранника мгновенно изменилось. Напряжение в его позе сменилось какой-то виноватой суетливостью. Он отступил на шаг, махнул рукой кому-то внутри сторожки, и тяжелые створки ворот медленно поползли в стороны.

— Проезжайте к главному корпусу. Там следователь и директор, — бросил он на ходу, уже возвращаясь в тепло будки.

Андрей медленно поехал по гравийной дорожке, мимо пустующих игровых площадок и темных силуэтов жилых домиков. Внутри него росло тяжелое, липкое предчувствие. Этот лагерь, позиционировавшийся как вершина комфорта и безопасности, на самом деле выглядел как изолятор. Еще в Петербурге, перед выездом, Андрей успел сделать несколько звонков своим контактам в налоговой службе.

Результаты короткого экспресс-анализа его удивили: юридическое лицо лагеря «Светлый путь» было лишь ширмой. Фактически все имущество, земля и строения находились на балансе закрытого благотворительного фонда, чьи учредители скрывались за цепочкой офшоров и номинальных лиц. Никакой коммерческой прибыли лагерь не приносил, существуя исключительно на целевые пожертвования этого фонда. Зачем элитному детскому центру такая сложная и непрозрачная структура владения, Андрей тогда понять не успел. Теперь ему предстояло выяснить это на месте.

Кабинет директора был обставлен простой офисной мебелью, которая никак не вязалась с понятием «элитного» заведения. На стенах висели грамоты в дешевых рамках и карта окрестностей с нанесенными на нее красными маркерами поисковых маршрутов.

За столом сидел мужчина средних лет в помятом гражданском костюме — директор лагеря Валерий Петрович. Его лицо было бледным, под глазами залегли темные тени, а пальцы непрерывно терзали пластиковый стаканчик с остывшим чаем. В углу, на кожаном диване, развалился человек в форме капитана полиции. Его форменная куртка была расстегнута, обнажая серую форменную рубашку. На его лице читалась глубокая, профессиональная усталость, граничащая с равнодушием.

— Андрей Сергеевич, — директор вскочил со стула, как только Андрей переступил порог. — Мы... мы потрясены. Это чудовищное недоразумение. Мы подняли всех...

— Где мой сын? — тихо спросил Андрей. Он не стал раздеваться, остался стоять у двери, засунув руки в карманы куртки. Его голос звучал ровно, без истерики, но в этой ровности была угроза, которую директор почувствовал сразу.

— Поиски ведутся, — подал голос капитан с дивана. Он поднялся, не торопясь, протянул Андрею тяжелую, влажную ладонь. — Бахов, оперуполномоченный уголовного розыска. Мы тут со вчерашнего дня без сна.

Андрей проигнорировал протянутую руку. Бахов ничуть не смутился, убрал ладонь в карман и подошел к карте на стене.

— Ситуация у нас, прямо скажем, нехорошая, — заговорил Бахов, тыча коротким пальцем в синее пятно на карте, обозначавшее озеро. — Мальчик ваш, Денис, пропал в ночь с четверга на пятницу. Камеры зафиксировали, как он вышел из корпуса около двух часов ночи. На нем была куртка, обувь. Он направился в сторону пирса. Мы предполагаем, что он пошел к воде.

— Почему он пошел туда ночью? — спросил Андрей.

— Дети, — Бахов пожал плечами. — Лунатизм, спор с ребятами, просто глупость подростковая. Озеро у нас глубокое, карстовое. Там сразу у берега обрыв идет метров на восемь. Вода сейчас — плюс четыре градуса. Человек в такой воде теряет сознание от переохлаждения за пять-семь минут. Спасти шансов практически нет.

— Вы нашли тело? — Андрей заставил себя произнести эти слова, хотя каждый слог отзывался тупой болью в затылке.

— Водолазы МЧС работали весь вчерашний день, — вздохнул капитан. — Но там на дне коряжник, видимость нулевая из-за дождей, ил поднялся. Течение сильное, подводные ключи. Тело могло унести под скалы или зажать между бревнами. Мы продолжаем поиски, но... надо быть реалистами, Андрей Сергеевич. Скорее всего, несчастный случай на воде. Тело всплывет через неделю-две, когда вода немного потеплеет или газы начнут выделяться. Это физиология, тут ничего не поделаешь.

Андрей внимательно смотрел на следователя. В его словах была логика, но эта логика казалась слишком гладкой, слишком удобной для всех присутствующих.

— Если он упал с пирса, на берегу должны быть следы, — сказал Андрей. — Земля вокруг озера — сплошная глина. Дождь идет третьи сутки. Ребенок весом в тридцать пять килограммов не мог пройти по этой грязи к воде и не оставить ни одного глубокого отпечатка обуви.

Бахов поморщился, словно у него разболелся зуб.

— Андрей Сергеевич, вы не понимаете специфику местной почвы. Там везде хвоя, мох, камни. К тому же, дождь такой силы смывает любые следы за пару часов. Мы проверили берег с собаками. Собаки след не взяли — вода все забила.

— А камеры? — Андрей повернулся к директору. — Вы утверждали, что у вас современная система наблюдения. Покажите мне запись, где Денис идет к озеру.

Директор засуетился, его лицо покрылось красными пятнами.

— Понимаете... как раз в ту ночь у нас произошел сбой на сервере. Гроза, молния повредила распределительный щит. Часть камер отключилась. Запись с той камеры, которая смотрит на пирс, оказалась повреждена. Мы смогли восстановить только

несколько секунд, где виден силуэт, похожий на Дениса, уходящий в сторону леса... то есть, в сторону озера.

— Силуэт, похожий на Дениса? — Андрей сделал шаг вперед, и директор инстинктивно отступил назад, упершись спиной в свой стол. — Вы продали мне безопасность моего сына за миллион рублей в неделю. И теперь вы говорите, что у вас не работают камеры, а полиция предлагает мне просто ждать, пока всплывет тело?

— Гражданин Воронов, давайте без угроз, — жестко вмешался Бахов, делая шаг между Андреем и директором. — Мы делаем свою работу. Версия с утоплением — основная и единственная рабочая на данный момент. Все остальное — ваши эмоции. Я понимаю ваше состояние, но мешать проверке я не позволю.

Андрей посмотрел на Бахова. В глазах капитана не было сочувствия. Там было лишь желание поскорее закрыть это дело, списать его на несчастный случай и уехать из этого проклятого дождем леса обратно в свой теплый кабинет. Система не хотела искать. Система хотела тишины.

Комната Дениса находилась на втором этаже спального корпуса. Это было небольшое помещение, рассчитанное на двоих детей, но Денис жил здесь один — еще одна привилегия, за которую Андрей заплатил сполна.

Когда Андрей вошел туда, его поразила стерильность комнаты. Кровать была аккуратно заправлена, на письменном столе лежали ровные стопки тетрадей, на вешалке висела запасная куртка. Все выглядело так, словно здесь никто никогда не жил. Или словно здесь провели тщательную уборку перед его приездом.

Бахов остался стоять в дверях, прислонившись к косяку и демонстративно глядя на часы.

— Мы тут уже все осмотрели, — лениво произнес он. — Ничего подозрительного. Личные вещи, учебники. Мальчик просто ушел ночью.

Андрей не ответил. Он подошел к кровати, опустился на колени и заглянул под нее. Там было пусто. Он поднялся, подошел к прикроватной тумбочке. Внутри лежали сменное белье, пара настольных игр и зарядное устройство для телефона. Сам телефон, по словам Бахова, остался в комнате и сейчас находился у следователей, но они не нашли в нем ничего, кроме обычных переписок с матерью и одноклассниками.

Андрей выдвинул ящик тумбочки до упора. Его пальцы нащупали заднюю стенку деревянного каркаса. Там, в узком зазоре между выдвижным ящиком и задней панелью тумбочки, что-то было. Он просунул руку глубже, с трудом преодолевая сопротивление дерева, и его пальцы коснулись плотного пластика.

Он аккуратно вытащил находку. Это был небольшой блокнот в черной пластиковой обложке на пружине. Денис никогда не расставался с подобными вещами — он любил рисовать, но дома всегда показывал свои рисунки отцу, гордясь каждым законченным наброском. Этот блокнот был спрятан намеренно.

Андрей повернулся спиной к Бахову, чтобы тот не видел его рук, и быстро открыл блокнот.

Первые страницы были чистыми. Затем пошли рисунки. Но это были не привычные машинки, супергерои или пейзажи, которые Денис рисовал раньше.

На плотной бумаге черной гелевой ручкой были изображены странные, пугающие существа. У них были длинные, неестественно тонкие конечности, вытянутые безликие головы и огромные пустые глазницы. Они стояли среди деревьев, которые выглядели как острые пики, уходящие в небо. На одном из рисунков такое существо держало за руку маленького мальчика. Мальчик был нарисован очень схематично, но на его лице была улыбка — странная, застывшая, похожая на гримасу.

Но самым страшным был не сам рисунок. В углу каждой страницы был выведен один и тот же символ.

Круг, перечеркнутый тремя параллельными вертикальными линиями.

Тот самый символ, который Андрей видел на видеокассете несколько часов назад. Тот самый знак, который был нарисован на ладони его сына.

Андрей почувствовал, как к горлу подступает холодный ком. Его сын не просто ушел ночью к озеру. Его сын находился под чьим-то влиянием. Кто-то заставил его рисовать эти символы. Кто-то внушил ему эти образы.

Он перевернул страницу. Там, детским, еще не устоявшимся почерком Дениса, было написано несколько строк:

«Он приходит, когда все спят. Он говорит, что лес живой и он ждет меня. Он говорит, что папа слишком занят своими цифрами, чтобы услышать мой крик. Но Он

слышит. Он обещал забрать меня туда, где всегда тихо и тепло. Мне страшно, но я хочу пойти с ним».

Андрей зажмурился. Каждое слово этой записи било по его самолюбию, по его чувству вины, которое он так тщательно подавлял все эти годы. «Папа слишком занят своими цифрами...» Это была правда. Он всегда был занят. Он считал, что обеспечивает будущее сына, а на самом деле просто сбегал от ответственности, от необходимости быть отцом, от холода, который поселился в их доме после развода с Еленой.

— Ну что вы там нашли? — раздался сзади скучающий голос Бахова.

Андрей мгновенно захлопнул блокнот и спрятал его во внутренний карман куртки. Его движения были быстрыми и точными, отточенными годами работы с конфиденциальными документами.

— Ничего, — спокойно ответил он, поворачиваясь к следователю. — Просто пустая тумбочка.

Бахов хмыкнул.

— Я же говорил. Не теряйте времени, Андрей Сергеевич. Поезжайте в гостиницу в городе, отдохните. Как только водолазы что-то найдут, я вам сразу сообщу.

Андрей вышел из спального корпуса. Дождь не утихал, превращая дорожки лагеря в грязные ручьи. Он не собирался уезжать. Он знал, что если сейчас уедет, то потеряет единственную нить, которая связывала его с сыном.

Он пошел в сторону столовой — длинного одноэтажного здания из серого кирпича. Около входа, под навесом, спасаясь от дождя, стояла молодая девушка в яркой желтой куртке-дождевике. Она нервно курила, постоянно оглядываясь по сторонам. Андрей вспомнил ее лицо по фотографиям на сайте лагеря. Это была Алина, вожатая отряда, в котором находился Денис.

Он направился прямо к ней. Девушка заметила его приближение, вздрогнула и попыталась спрятать сигарету за спину, но Андрей жестом показал, что ему все равно.

— Алина? — спросил он, останавливаясь под навесом.

— Да... — тихо ответила она, глядя на него испуганными глазами. — Вы отец Дениса, верно? Я... мне так жаль. Он был очень хорошим мальчиком. Спокойным, послушным.

— Алина, мне не нужны соболезнования, — мягко, но настойчиво произнес Андрей. — Мне нужна правда. Вы ведь не верите, что он утонул?

Девушка побледнела еще сильнее. Она бросила быстрый взгляд на окна административного корпуса, который был виден сквозь пелену дождя.

— Я... я не знаю. Следователь сказал...

— Следователь хочет закрыть дело, — перебил ее Андрей. — А я хочу найти своего сына. Вы проводили с ним каждый день. Что происходило в лагере в последнюю неделю? Он вел себя странно?

Алина замялась, ее пальцы, державшие сигарету, заметно дрожали. Она сделала глубокий вдох, словно решаясь на что-то опасное.

— Он... он изменился примерно за неделю до исчезновения, — прошептала она, делая шаг назад, в тень навеса. — Стал замкнутым. Перестал общаться с ребятами. Постоянно что-то рисовал в своем блокноте. Я пыталась посмотреть, но он сразу его прятал. А еще... он стал бояться темноты. Раньше за ним такого не водилось, а тут начал просить не выключать свет в коридоре.

— Это началось после чего-то конкретного? — спросил Андрей, чувствуя, как внутри него натягивается невидимая струна.

Алина снова оглянулась. Ее голос стал еще тише, почти неразличимым за шумом дождя.

— За неделю до этого... к нам приезжали люди. Это было странно. Обычно к детям приезжают родители по выходным. Но эти приехали в среду, посреди дня. Трое мужчин в очень дорогих, строгих костюмах. Они не были похожи на местных или на обычных родителей. Они приехали на огромном черном внедорожнике без номеров.

— Без номеров? — Андрей нахмурился.

— Да. Вместо номеров у них были какие-то металлические заглушки. Директор сам встречал их у ворот. Он буквально стелился перед ними. Они не заходили в

администрацию. Они просто ходили по территории, смотрели на детей. И... они очень долго стояли около нашего корпуса. Один из них, высокий такой, с седыми волосами и аккуратной бородкой, подошел к Денису, когда тот сидел на скамейке. Я была далеко, не слышала, о чем они говорили. Но этот мужчина положил руку Денису на плечо, и Денис... он даже не шелохнулся. Словно замороженный был. А потом этот человек дал ему что-то. Маленькую бумажку или карточку.

— Вы спросили у директора, кто это?

— Спросила, — Алина горько усмехнулась. — Валерий Петрович на меня так наорал, как никогда в жизни не орал. Сказал, чтобы я не лезла не в свое дело, если хочу доработать смену и получить деньги. Сказал, что это представители попечительского совета фонда, который нас финансирует. Что они имеют право проверять лагерь в любое время. Но они не были похожи на проверяющих, Андрей Сергеевич. Они смотрели на детей так... словно выбирали товар в магазине.

Девушка внезапно замолчала, заметив, что из дверей административного корпуса вышел Бахов и направился в их сторону.

— Мне пора, — испуганно бросила она, бросив окурок в лужу. — Пожалуйста, не говорите никому, что я вам это рассказала. У этого фонда... у них очень длинные руки. Нам всем здесь жить.

Она быстро развернулась и скрылась за дверью столовой, оставив Андрея одного под холодными струями воды.

Слова Алины подтверждали худшие опасения Андрея. Дениса вели. Его изучали заранее. Это не было спонтанным похищением ради выкупа — за три дня никто не связался с ним и не потребовал денег. Это было что-то другое, гораздо более спланированное и страшное.

Андрей пошел в обход спального корпуса, направляясь к дальнему краю территории лагеря, туда, где забор примыкал к глухому лесу. Дождь продолжал заливать глаза, холодная вода уже просочилась под воротник куртки, но он не обращал на это внимания. Его мозг работал в режиме жесткого анализа.

Он шел вдоль металлической сетки забора. В некоторых местах она была покрыта ржавчиной, в других — укреплена свежими деревянными столбами. Примерно в ста

метрах от жилых корпусов, там, где начиналась старая, заброшенная просека, Андрей остановился.

В заборе была дыра. Сетка была аккуратно перерезана специальным инструментом — срезы были ровными, без зазубрин. Кто-то проделал этот проход намеренно, а затем просто прикрыл его ветками сосны, чтобы дыра не бросалась в глаза с территории лагеря.

Андрей протиснулся сквозь прорезь в сетке и оказался на старой лесной дороге. Здесь, под прикрытием густых крон деревьев, дождь ощущался не так сильно, но земля превратилась в сплошное месиво из глины и прелой хвои.

Он посмотрел под ноги и замер.

На размокшей глине отчетливо виднелись глубокие, свежие следы автомобильных шин. Это были не узкие следы колес полицейского УАЗа или трактора местных лесничих. Рисунок протектора был широким, сложным, с характерными грунтозацепами, которые оставляют только тяжелые внедорожники премиум-класса.

Андрей опустился на одно колено, не заботясь о том, что пачкает дорогие брюки в грязи. Он внимательно изучил отпечатки. Вода еще не успела полностью размывать края рисунка, а значит, машина стояла здесь совсем недавно. Возможно, в ту самую ночь, когда исчез Денис.

Рядом со следами шин на глине виднелись отпечатки обуви. Один след принадлежал взрослому человеку — тяжелый армейский ботинок с глубоким протектором. А рядом... рядом был маленький, едва заметный отпечаток детского кроссовка. Денис шел сам. Его не тащили силой. Он шел рядом с этим человеком, шаг в шаг, послушно и спокойно.

Андрей вспомнил слова Бахова: «Мы проверили берег, дождь все смыл, следов нет».

Они не проверяли эту просеку. Или, что гораздо вероятнее, они намеренно проигнорировали эти следы. Полиция не могла не заметить прорезь в заборе и следы тяжелого внедорожника прямо за ней. Но Бахов настойчиво продолжал продвигать версию с утоплением.

Андрей поднялся с колен. Его руки дрожали от смеси ярости и ледяного спокойствия, которое всегда приходило к нему в моменты самых тяжелых кризисов.

Официальная версия была сфабрикована. Лагерь, полиция, благотворительный фонд — все они были частью одной цепочки, которая вела к исчезновению его сына. И эта цепочка уходила далеко за пределы этого карельского леса.

Он вытащил из кармана телефон, сделал несколько снимков следов шин и прорези в заборе. Экран мобильного телефона моргнул, показывая отсутствие сети — здесь, в низине, связь окончательно пропала.

Андрей посмотрел в глубь темного, молчаливого леса. Деревья стояли плотной стеной, словно скрывая тайну, которую он только что начал приоткрывать. Он знал, что возвращаться в город и ждать официальных результатов — значит потерять сына навсегда. Ему придется действовать самому, используя все свои ресурсы, все свои связи и ту холодную, расчетливую злость, которая сейчас вытесняла из его души остатки страха.

Он развернулся и пошел обратно к машине. В его кармане лежал черный блокнот с рисунками безликих существ, а в голове стучала одна и та же мысль: его сын жив, и тот, кто забрал его, оставил мокрый, но вполне отчетливый след.

Глава 2. Молчание

Петербург встретил Андрея нескончаемым дождем, который преследовал его от самых карельских болот. На въезде в город, у развязки Кольцевой автодороги, фары выхватывали из серой мглы безликие силуэты новостроек Парнаса. Огромные, многоэтажные человеиники казались гигантскими надгробиями, уходящими в низкое, сочащееся влагой небо. Город выглядел холодным, равнодушным механизмом, перемалывающим миллионы жизней в режиме ежедневной рутины.

Андрей не спал больше суток. Глаза жгло, словно в них насыпали песка, а в затылке поселилась тупая, пульсирующая боль. Он вел машину на автопилоте, едва реагируя на

редкие в этот предрассветный час автомобили. На пассажирском сиденье лежала папка с документами, которую он успел забрать из своего городского офиса перед поездкой на Васильевский остров, и черный блокнот Дениса.

Его аналитический ум, натренированный годами жесткого финансового аудита, отказывался принимать официальную версию следствия. Капитан Бахов мог сколько угодно твердить об утоплении, но следы тяжелого внедорожника на заброшенной просеке и аккуратно перерезанная сетка забора говорили об обратном. Дениса увели. И увели те, кто имел беспрепятственный доступ на территорию лагеря.

В половине шестого утра Андрей припарковал внедорожник на 10-й линии Васильевского острова. Здесь, в полуподвальном помещении старого доходного дома, располагалось круглосуточное кафе. В такое время здесь не было никого, кроме сонного бариста и редких полуночников, ищущих укрытия от дождя.

Человек, которого Андрей ждал, уже сидел в самом дальнем углу, под тусклым бра. Кирилл Широков, журналист небольшого независимого издания «Невский репортер», выглядел помятым и испуганным. На нем было старое кожаное пальто с потертыми рукавами, а перед ним стояла большая кружка остывшего чая. Широков нервно потирал руки и постоянно поглядывал на входную дверь.

— Вы рискуете, Андрей Сергеевич, встречаясь со мной, — тихо произнес Широков, когда Андрей опустился на стул напротив него. — И меня подставляете. В наших краях вопросы о фонде «Ориентир» задавать не принято.

— Мой сын пропал, Кирилл, — Андрей ответил тихим, лишенным эмоций голосом. — У меня больше нет категорий риска. Рассказывайте все, что у вас есть.

Широков вздохнул, открыл свой потрепанный рюкзак и достал плотную пластиковую папку. Он не стал передавать ее сразу, а прижал ладонью к столу, словно все еще сомневался.

— «Ориентир» — это не просто благотворительный фонд, который подбрасывает деньги детским лагерям, — заговорил журналист, наклоняясь ближе к Андрею. — На бумаге это чистейшая филантропия. Помощь трудным подросткам, организация патриотического воспитания, поддержка традиционных ценностей. Но если посмотреть на их финансовые потоки, картина меняется. Они сидят на трех источниках финансирования. Первый — это целевые субсидии регионального комитета по делам

молодежи. Деньги налогоплательщиков, которые уходят туда без всякого реального контроля за результатом. Второй — пожертвования от весьма специфических, ультраконсервативных религиозных организаций. И третий — частные взносы от крупных бизнесменов, у которых внезапно проснулась тяга к духовности.

Андрей внимательно слушал, фиксируя детали. Его профессиональный взгляд мгновенно выстраивал схему.

— Зачем им лагерь в такой глуши? — спросил он.

— Для изоляции, — коротко ответил Широков. — Лагерь «Светлый путь» — это их закрытая база. Туда отправляют не просто отдохнуть. Туда направляют детей, чье поведение, по мнению фонда или их покровителей, требует «коррекции». И вот тут начинается самое интересное. Год назад мне в руки попал один документ. Это копия внутреннего отчета о методах психологического давления, которые используются в этих центрах.

Журналист наконец пододвинул папку к Андрею. Тот открыл ее. На пожелтевших листах формата А4, распечатанных на плохом принтере, содержался детальный анализ программ «духовной реабилитации». Андрей быстро пробежал глазами по строчкам, и с каждым абзацем его лицо становилось все более жестким.

В отчете описывались методики, которые сложно было назвать педагогическими. Полная изоляция ребенка от привычной информационной среды, изъятие любых гаджетов, жесткий распорядок дня с многочасовыми лекциями и групповыми сессиями. Но главным элементом системы было так называемое «разрушение эго». Детей систематически убеждали в том, что их прежняя жизнь, их семьи, их увлечения — это «зона духовного заражения». Использовались техники суггестивного воздействия, направленные на внушение чувства глубокой вины перед родителями и обществом.

— Это разработал некий доктор Волков, — пояснил Широков, заметив, на каком разделе Андрей остановился. — Валерий Евгеньевич Волков. Он у них главный идеолог. Официально — клинический психолог, член экспертного совета по борьбе с деструктивными культами при региональном ведомстве. На деле — человек, который профессионально занимается тем, что ломает детскую психику, подменяя личность ребенка нужными установками. Они называют это «спасением от пагубного влияния современной культуры».

Андрей вспомнил рисунки Дениса. Безликие существа с длинными конечностями, застывшие улыбки, символ круга с тремя линиями. Это не были фантазии ребенка. Это были визуальные образы, внедренные в его сознание в процессе такой «коррекции».

— Но это еще не все, — Широков понизил голос до шепота. — Я начал копать глубже. «Ориентир» работает давно, и ваш сын — не первый, кто исчез из их поля зрения. За последние три года из учреждений, так или иначе связанных с этим фондом, пропали еще двое детей.

Андрей замер, его пальцы сжали край стола.

— Имена? — спросил он.

— Первый случай — октябрь 2021 года, — Широков заглянул в свои записи. — Одиннадцатилетний Максим Козлов. Находился в приюте временного содержания в Приозерске, который курировал «Ориентир». Официальная версия — побег, мальчик якобы ушел в лес и замерз или утонул в Вуоксе. Тело не нашли. Дело закрыли через три недели за отсутствием состава преступления. Второй случай — июль 2022 года. Десятилетняя Анна Дмитриева. Пропала из летнего лагеря в Лужском районе. Тоже под патронажем фонда. Версия следствия — заблудилась в болотах. Поиски прекратили через месяц. И снова — никакого шума в прессе, полная тишина. Местные отделы полиции закрывали дела с поразительной быстротой.

— Кто-то очень влиятельный прикрывает их на региональном уровне, — констатировал Андрей.

— Именно, — кивнул журналист. — Каждый раз, когда кто-то пытается задавать вопросы, включается административный ресурс. Дела списывают на несчастные случаи, родителей запугивают или убеждают не поднимать волну. А тех, кто не соглашается, просто уничтожают социально.

Широков замолчал, нервно отхлебнул чаю. Андрей смотрел на лежащие перед ним бумаги. Два исчезнувших ребенка. Два закрытых дела. И теперь — его Денис. Система работала без сбоев, потому что общество предпочитало не замечать чужую боль, списывая все на трагические случайности.

— Почему вы не опубликовали это? — спросил Андрей, глядя журналисту прямо в глаза.

Широков горько усмехнулся, и в его взгляде Андрей увидел смесь страха и глубокого стыда.

— А где опубликовать, Андрей Сергеевич? В моей газете, которую читают три тысячи человек и которую закроют на следующий день после публикации? Или на федеральных каналах, где попечители этого фонда сидят в жюри патриотических конкурсов? Мне прямо сказали: если я хочу продолжать писать о городских субботниках и ремонте дорог, мне нужно забыть слово «Ориентир». У меня семья, двое детей. Я не герой. Я просто передаю это вам, потому что у вас есть ресурсы, которых нет у меня. Может, вы сможете сделать то, что не смог я.

Андрей медленно закрыл папку.

— Спасибо, Кирилл. Вы сделали больше, чем думаете.

Он поднялся, оставив на столе несколько крупных купюр, и вышел на улицу. Дождь продолжал хлестать по асфальту, смывая следы ночи. В его голове складывалась страшная картина. Его сын не просто потерялся. Его забрала машина, детали которой были тщательно продуманы и смазаны государственными деньгами. И чтобы остановить эту машину, ему нужно было понять, как она проникла в его собственную жизнь.

Квартира Елены находилась в элитном жилом комплексе на набережной Малой Невки. Это было место для тех, кто ценил приватность и дорогой комфорт: закрытый двор, консьерж в строгом костюме, бесшумные лифты и панорамные окна с видом на серую, вздувшуюся от дождя реку. Андрей сам покупал эту квартиру для нее и Дениса после развода, надеясь, что материальное благополучие сможет компенсировать его постоянное отсутствие.

Он поднялся на седьмой этаж и нажал на кнопку звонка. Дверь открылась не сразу.

Андрей не видел бывшую жену около трех месяцев, и то, как она выглядела сейчас, поразило его. Всегда безупречная, ухоженная, следящая за каждой деталью своего внешнего вида, теперь она казалась блеклой тенью самой себя. На ней был простой, растянутый серый кардиган, волосы были небрежно собраны в пучок, а на лице не было ни грамма косметики. Но больше всего Андрея испугал ее взгляд. Глаза Елены были полуприкрыты, зрачки слегка расширены, а движения казались заторможенными, словно она находилась под действием сильных успокоительных препаратов.

— Андрей? — тихо произнесла она, не выражая ни удивления, ни радости. — Зачем ты приехал? Уже так рано... или поздно?

— Лена, нам нужно поговорить, — Андрей мягко, но настойчиво отодвинул ее плечом и вошел в прихожую.

В квартире царила странная, гнетущая тишина. Обычно здесь всегда шумел телевизор, играла музыка или слышался смех Дениса. Сейчас пространство казалось вымершим. На вешалке одиноко висела маленькая синяя куртка сына — та, которую он не взял с собой в лагерь.

— Из лагеря звонили, — сказала Елена, медленно закрывая дверь. Она говорила ровным, монотонным голосом, лишенным каких-либо эмоций. — Сказали, что Денис... что произошел несчастный случай. Они ищут его в озере.

— И это все? — Андрей повернулся к ней, чувствуя, как внутри него закипает ярость. — Твой сын пропал трое суток назад. Полиция пытается убедить меня, что он утонул, хотя на берегу нет следов, а забор лагеря перерезан. А ты стоишь здесь и говоришь об этом так, словно у тебя пропал зонтик!

Елена не вздрогнула от его резкого тона. Она лишь покачала головой и прошла в гостиную, двигаясь плавно, словно во сне.

— Ты не понимаешь, Андрей, — тихо произнесла она, садясь на край глубокого кожаного кресла. — Ты всегда все меришь своими цифрами, своими доказательствами. Но есть вещи, которые выше этого. Денис... он был в опасности здесь, с нами. В этом мире, который прогнал от лжи и эгоизма. Особенно от твоего эгоизма.

Андрей нахмурился, делая шаг к ней.

— О чем ты говоришь, Лена? Какая опасность?

— Наша семья... она была разрушена изначально, — продолжала она, глядя куда-то сквозь Андрея, в пустоту панорамного окна. — Мы жили во грехе, в погоне за успехом, за вещами. Я сама... ты ведь помнишь, где я работала? В этой коммерческой структуре, где нас заставляли улыбаться и продавать людям ненужные иллюзии. Доктор Волков открыл мне глаза. Он сказал, что это был типичный коммерческий культ, который разрушил мою душу. И эта духовная деформация... она передалась Денису. Это родовая

психопатия, Андрей. Наш сын рос в атмосфере энергетического вампиризма и эгоизма. Его нужно было спасать.

Слова Елены звучали дико, сюрреалистично. Она использовала термины, которые явно не принадлежали ей — сложные, псевдонаучные конструкции, смешанные с религиозной риторикой. Андрей узнал этот стиль. Это был тот самый язык, о котором предупреждал журналист Широков, язык доктора Волкова и его отчетов.

— Кто такой доктор Волков? — жестко спросил Андрей, опускаясь перед ней на корточки, чтобы поймать ее блуждающий взгляд. — Лена, посмотри на меня. Этот человек... он внушил тебе все это? Ты ходишь к нему на сеансы?

— Он помогает мне, — Елена слабо улыбнулась, и эта улыбка показалась Андрею пугающей. — Он член экспертного совета. Он знает, как уберечь душу от деструктивного влияния. Он сказал, что Денису нужно пройти очищение. Что лагерь «Светлый путь» — это место, где его научат видеть истину. Где его защитят от современной культуры, которая убивает в детях все чистое.

— Защитят? — Андрей едва сдерживал крик. — Лена, его похитили! Его увезли на машине через дыру в заборе! Твой доктор Волков и его фонд «Ориентир» — это ширма для преступников!

— Нет, — Елена упрямо покачала головой, и в ее голосе впервые прозвучали слабые нотки раздражения. — Ты опять все очерняешь. Ты видишь только заговоры, потому что сам привык всех контролировать. А доктор Волков — святой человек. Он не берет денег за спасение души. Он лишь направляет.

Андрей понял, что спорить с ней сейчас бесполезно. Ее сознание было плотно заблокировано, обработано профессиональным манипулятором, который использовал ее чувство вины после развода и краха карьеры, чтобы сделать ее абсолютно послушной. Она была не просто подавлена горем — она была запрограммирована принимать происходящее как должное.

— Я сделаю чай, — тихо сказала Елена, поднимаясь с кресла. — Доктор Волков прописал мне специальный травяной сбор. Он помогает успокоить разум и принять волю... принять то, что должно случиться.

Она медленно пошла в сторону кухни, оставив Андрея одного в гостиной.

Как только за Еленой закрылась дверь кухни и послышался тихий шум закипающего чайника, Андрей начал действовать. Его движения были быстрыми, бесшумными и точными. Он должен был найти хоть какую-то зацепку, подтверждающую связь Елены с Волковым и фондом «Ориентир».

Он подошел к консольному столику в прихожей, где обычно лежали ключи, квитанции и почта. В выдвижном ящике царил идеальный порядок — еще один признак того, что жизнь Елены теперь подчинялась какому-то жесткому внешнему регламенту. Среди аккуратно сложенных счетов за коммунальные услуги Андрей заметил плотную глянцевою брошюру.

На обложке был изображен деревянный дом на фоне восходящего солнца, пробивающегося сквозь сосновые ветви. Сверху крупными буквами было написано: «Центр духовного попечения и реабилитации “Рассвет”».

Андрей быстро перевернул страницу. Текст внутри был составлен профессиональными психологами, использующими манипулятивные техники. Каждое предложение было направлено на то, чтобы вызвать у родителя чувство глубокой тревоги за своего ребенка и тут же предложить решение.

«Современный мир агрессивен к неокрепшей детской душе. Интернет, деструктивные субкультуры, коммерческие культы и эгоизм родителей разрушают личность ребенка изнутри. Центр “Рассвет” предлагает уникальную программу изоляции и духовной коррекции. Мы спасаем детей от пагубного влияния современной культуры, возвращая им чистоту восприятия и уважение к традиционным ценностям. Наш метод — это не просто педагогика, это извлечение из зоны духовного заражения».

На последней странице брошюры стояли контакты центра и логотип фонда «Ориентир». Но внимание Андрея привлекла не только брошюра. Под ней лежал небольшой лист бумаги — приходный кассовый ордер от 14 ноября, выданный всего за неделю до исчезновения Дениса.

Это был документ, подтверждающий внесение «благотворительного взноса» на счет фонда «Ориентир». Сумма заставила Андрея на секунду затаить дыхание. Три миллиона рублей. Практически все сбережения, которые Елена получила после раздела имущества и продажи своей доли в бизнесе.

Андрей почувствовал, как внутри него все сжимается. Схема была дьявольски циничной и простой. Они не просто забрали ребенка. Они сначала обработали мать, используя ее уязвимость и чувство вины. Доктор Волков, выступая в роли «эксперта» и «спасителя», внушил ей, что ее прошлая жизнь была греховной, а ее ребенок находится в смертельной духовной опасности. Затем они выкачали из нее все деньги под видом благотворительного взноса на «реабилитацию» сына. И когда почва была подготовлена, ребенка просто «изъяли» из лагеря, а мать осталась сидеть в пустой квартире, накачанная успокоительными и убежденная в том, что это «для его же блага».

Это было профессиональное депрограммирование, превращенное в высокодоходный криминальный бизнес. Они использовали методы психологического террора, чтобы разрушать семьи и забирать детей, прикрываясь синими печатями авторитетных организаций и статусом экспертов.

Андрей аккуратно сложил брошюру и квитанцию во внутренний карман куртки, рядом с блокнотом Дениса.

В этот момент из кухни вышла Елена, неся в руках две чашки с дымящимся травяным чаем. Ее движения по-прежнему были медленными, а взгляд — пустым.

— Вот, выпей, — тихо сказала она, протягивая ему чашку. — Это помогает убрать лишние мысли. Доктор Волков говорит, что мысли — это наш главный враг, когда мы пытаемся контролировать то, что нам не принадлежит.

Андрей посмотрел на чашку, затем на бывшую жену. В ее глазах не было прежней Елены — умной, амбициозной женщины, которую он когда-то любил. Перед ним стояла женщина, из которой будто вынули волю и заменили ее чужими фразами.

— Я не хочу чаю, Лена, — мягко сказал он, забирая у нее чашку и ставя ее на столик. — Мне пора идти.

— Ты вернешься? — спросила она без особой надежды в голосе.

— Я верну нашего сына, — ответил Андрей, глядя ей прямо в глаза. — Чего бы мне это ни стоило.

Елена лишь грустно покачала головой.

— Ты не сможешь, Андрей. Ты пытаешься бороться с системой, которую сам же и создал своим безразличием. Доктор Волков сказал, что спасение требует жертв. И, возможно, Денис — это наша жертва за то, какими мы были.

Андрей не стал отвечать. Он развернулся и быстро вышел из квартиры, не желая больше слушать эти чужие, вложенные в ее голову фразы. Каждое ее слово подтверждало, что он имеет дело не с обычным похитителем, а с мощной, разветвленной организацией, которая умела ломать людей изнутри, не оставляя видимых следов насилия.

Спустившись на подземную парковку, Андрей сел в машину, но не стал сразу заводить двигатель. Он включил плафон освещения салона и достал документы, которые передал ему журналист Широков, брошюру центра «Рассвет» и квитанцию на три миллиона рублей.

Его пальцы коснулись черного блокнота Дениса. Он вытащил его и открыл на странице со странным символом — кругом, перечеркнутым тремя линиями.

Затем он открыл брошюру центра «Рассвет». На последней странице, рядом с реквизитами фонда «Ориентир», был напечатан тот же самый знак. Только здесь он выглядел как элемент официального логотипа — стилизованное изображение солнца, восходящего над лесом. Но геометрия была идентичной: круг и три вертикальные линии, проходящие сквозь него.

Этот символ связывал все воедино. Лагерь «Светлый путь», фонд «Ориентир», центр «Рассвет», доктора Волкова и рисунки его сына. Это была их подпись. Знак системы, которая считала себя вправе решать судьбы детей и ломать жизни родителей.

Андрей откинулся на подголовник сиденья и закрыл глаза. В его голове, несмотря на дикую усталость, начала выстраиваться четкая стратегия. Он больше не мог рассчитывать на полицию. Капитан Бахов и его коллеги были лишь мелкими винтиками в этой машине, призванными обеспечивать тишину и скрывать следы.

Ему нужно было выйти на самого доктора Волкова. Но действовать следовало осторожно. Если этот человек поймет, что Андрей раскрыл схему, Дениса могут перевезти в другое место, или, что еще страшнее, заставить замолчать навсегда.

Андрей вытащил телефон. Связи на подземной парковке не было, но он знал, что делать. У него оставались старые контакты в службе безопасности одной из крупнейших инвестиционных компаний города — люди, которые умели находить информацию быстро и без лишних вопросов.

Он заведет двигатель, выедет на залитые дождем улицы Петербурга и начнет свою игру. Он больше не был просто отцом, потерявшим сына. Он снова стал жестким, расчетливым аудитором, который пришел провести проверку системы, посмевшей забрать самое дорогое, что у него оставалось.

Дождь за лобовым стеклом продолжал монотонно стучать по капоту, отсчитывая секунды его нового, личного расследования. Андрей включил передачу и нажал на педаль газа, направляя внедорожник к выезду с парковки, навстречу холодному питерскому утру.

Глава 3. Эксперты по вызову

Временное убежище Андрей устроил в старой квартире на Петроградской стороне, принадлежавшей когда-то его покойному дяде. Здесь годами никто не жил. Желтый свет уличного фонаря пробивался сквозь немытые окна, рисуя на потолке причудливые тени от голых ветвей тополя. Дождь монотонно стучал по жестяному отливу, и этот звук казался Андрею единственной константой в мире, который стремительно уходил у него из-под ног.

Он сидел за старым письменным столом, заваленным распечатками, выписками и судебными решениями. Единственным источником света был экран его рабочего ноутбука. Андрей не спал вторые сутки, но усталость трансформировалась в странное, обостренное состояние ума, когда детали, ранее казавшиеся несущественными, внезапно складывались в единую, пугающе логичную картину.

Перед ним лежала папка, переданная журналистом Широковым, а на экране были открыты базы данных арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Андрей искал прецеденты. Его профессиональный опыт аудитора подсказывал: если существует

отлаженная схема давления, она обязательно должна была оставить след в официальных реестрах. Такие структуры, как фонд «Ориентир», не действуют в правовом вакууме — они используют закон как таран.

И он нашел этот след.

Это было гражданское дело № 2-¹⁴³²/2014, рассматривавшееся в Индустриальном районном суде города Перми. Андрей медленно вчитывался в сухие юридические формулировки, чувствуя, как внутри него нарастает холодное оцепенение.

Истцом выступал Александр Брессем, крупный пермский предприниматель, владелец сети строительных магазинов. Ответчиком — его бывшая жена Елена Брессем. Суть спора — определение места жительства их несовершеннолетнего сына Кости.

История, зафиксированная в протоколах судебных заседаний, развивалась по классическому, пугающе знакомому сценарию. После развода Елена ушла от мужа, забрав двоих детей. Она начала строить самостоятельную жизнь, стала независимым партнером крупной международной компании «Гербалайф», оформленной как индивидуальный предприниматель, зарабатывала приличные деньги и планировала переезд в Москву к новому мужчине. До этого момента бывший муж практически не интересовался судьбой детей. Но как только он узнал о ее планах уехать и забрать сына, ситуация резко изменилась.

Александр Брессем просто забрал мальчика прямо из школы и увез в неизвестном направлении. Когда Елена обратилась в полицию с заявлением о похищении ребенка, ей отказали в возбуждении уголовного дела. Мотивировка была стандартной: отец имеет такие же родительские права, как и мать, состава преступления нет.

А затем начался судебный процесс, который больше напоминал средневековый трибунал, адаптированный под современные реалии.

Чтобы лишить Елену прав на ребенка, Брессем нанял адвоката Александра Корелова — юриста, тесно связанного с Александром Дворкиным, руководителем Российской ассоциации изучения религий и сект (РАЦИРС). К делу было приобщено так называемое «экспертное заключение», подготовленное неким Алексеем Воатом, учеником Дворкина.

Андрей открыл скачанную копию этого заключения. Двести страниц текста, скрепленного синими печатями Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Это был не психологический или педагогический анализ условий жизни ребенка. Это был идеологический манифест.

Воат на полном серьезе утверждал, что компания «Гербалайф» является «тоталитарной коммерческой сектой», а Елена Брессем — ее активным адептом. Стандартные корпоративные тренинги, установки на личный успех и финансовую независимость трактовались в экспертизе как «магические ритуалы» и «методы деструктивного зомбирования». Более того, Елену обвинили в принадлежности сразу к двум «сектам» — вторым пунктом шло ее увлечение каббалистической философией. Она посещала московский Каббала Центр, читала популярные книги, но для «экспертов» РАЦИРС этого оказалось достаточно, чтобы заявить: вовлечение ребенка в эту среду приведет к «тяжелым психическим расстройствам, требующим стационарного лечения».

В суде в качестве свидетелей обвинения выступали не учителя, не соседи и не детские психологи. Туда приехали заместитель руководителя миссионерского отдела Пермской епархии Евгений Ошмарин и сам Александр Дворкин. Они лично вещали с трибуны о «духовной опасности», которой подвергается ребенок, находясь с матерью-«сектанткой».

Дворкин раздавал интервью местным телеканалам прямо в коридорах суда, заявляя:

«В Перми я уже третий раз, но сейчас я сюда приехал по частному делу — для того, чтобы принять участие в судебном процессе. Следовательно, настроение у меня рабочее. Меня пригласили выступить в суде в качестве эксперта. Дело в том, что женщина, попавшая под влияние сразу двух сект, оставила мужа и скрылась в неизвестном направлении, забрав с собой двух малолетних детей. Супруг с трудом нашёл свою жену; её уже успели выдать замуж в секте, и теперь он пытается через суд вернуть детей».

Андрей смотрел на экран, и его пальцы сильнее сжимали край стола. Это была ложь от первого до последнего слова. Елена не скрывалась — она жила по официальному адресу, работала как ИП, платила налоги. Ее дочь от первого брака была круглой отличницей. Но система не интересовалась фактами. Ей нужен был маркер. Ярлык «сектантка» сработал как приговор. Суд определил место жительства мальчика с отцом. Елена потеряла сына, увидев его после этого лишь однажды — на финальном заседании.

Это был бизнес. Хорошо отлаженный, циничный бизнес по заказу состоятельных клиентов. Если у тебя есть деньги, влияние и желание уничтожить бывшую супругу, тебе не нужно доказывать ее несостоятельность как матери. Тебе просто нужно обратиться к «экспертам по вызову». Они состряпают двухтомное дело о «духовной угрозе», привезут именитого профессора-сектоведа, запугают органы опеки терминами вроде «психологическое насилие» и «деструктивный культ», и суд послушно отдаст тебе ребенка.

Но в случае Андрея схема сделала странный, противоестественный петлеобразный поворот.

Андрей закрыл файл пермского дела и открыл личный архив Елены. Перед отъездом из ее квартиры он успел скопировать резервную копию ее облачного хранилища, к которому у него оставался доступ со времен их совместной жизни. Он надеялся найти там контакты ее врачей или рецепты успокоительных, но обнаружил нечто гораздо более страшное.

В папке с неприметным названием «Документы/Личное» хранились аудиозаписи диктофонных заметок и черновики писем, адресованных на электронную почту, принадлежащую дочерней структуре фонда «Ориентир».

Андрей надел наушники и нажал на воспроизведение первого файла. Запись была сделана примерно полгода назад. Голос Елены звучал тихо, сбивчиво, в нем слышались слезы и глубокое, изматывающее отчаяние.

— ...Я больше не могу так жить, — говорила она кому-то, кого не было слышно на записи. — Андрей полностью ушел в работу. Его нет неделями. А когда он приезжает, он словно стена. Холодный, чужой. Он не разговаривает с Денисом, только откупается дорогими подарками. Мальчик замыкается в себе. Он видит это безразличие. Мне кажется, Андрей разрушает его психику. Это какое-то медленное, изощренное насилие над нами обоими...

Андрей зажмурился. Каждое слово бывшей жены било наотмашь. Он вспомнил те дни. Он действительно пропадал на объектах, закрывал сложные сделки в Москве и Лондоне, считая, что его главная задача — обеспечить семье безбедное существование. Он отмахивался от ее жалоб, считая их обычными женскими капризами. Он не замечал, как его собственная эмоциональная глухота выжигала все живое вокруг.

Он запустил следующий файл. Это была запись ее консультации с мужчиной, чей голос показался Андрею смутно знакомым. Мягкий, вкрадчивый баритон, профессионально модулирующий интонации.

— Вы совершенно правы, Елена, — говорил мужчина. — Ваш муж — типичный представитель деструктивного потребительского культа. Вся его жизнь подчинена служению золотому тельцу. Это не просто холодность, это духовная деформация, которая транслируется на вашего сына. Денис находится в зоне серьезного ментального заражения. Если не принять меры, мальчик вырастет таким же эмоциональным инвалидом, лишенным души. Мы должны помочь вам изолировать ребенка от этого пагубного влияния. Но для этого нам нужны юридические основания. Вы должны фиксировать каждый факт его безразличия, каждую вспышку раздражения. Мы подготовим экспертное заключение о психологическом насилии со стороны отца.

Андрей сорвал наушники. Его трясло.

Они вели их семью месяцами. Они использовали уязвимость Елены, ее обиду и одиночество, чтобы внушить ей мысль о «духовной опасности», исходящей от него. Они готовили почву для того, чтобы забрать Дениса легально, через суд, обвинив Андрея в эмоциональном насилии и «сектантском» отношении к жизни.

Но почему они не пошли в суд? Почему Дениса просто похитили из лагеря?

Ответ лежал на поверхности. Андрей не был беззащитной женщиной-предпринимателем из провинции, как Елена Брессем. Он был крупным аудитором с огромными связями в бизнес-элите и силовых структурах Петербурга. Попытка судиться с ним открыто могла закончиться для фонда «Ориентир» детальной проверкой их собственных финансовых потоков, которую они бы не пережили. Андрей раздавил бы их в суде, используя лучших адвокатов города.

Поэтому они изменили тактику. Они поняли, что легально отобрать ребенка у такого человека, как он, не получится. И тогда они решили использовать его собственные слабости против него. Они забрали Дениса тайно, разыграв спектакль с утоплением, чтобы Андрей сломался, ушел в глухую оборону, погряз в чувстве вины и не смел поднимать шум. А Елену они окончательно нейтрализовали, накачав транквилизаторами и внушив ей, что исчезновение сына — это «высшая воля» и «очищение».

Они просчитали все. Кроме одного. Они не учли, что вместо того, чтобы сломаться, Андрей начнет думать как аудитор, для которого любая закрытая система — это лишь набор уязвимостей, требующих вскрытия.

В одиннадцать часов утра Андрей стоял у входа в бизнес-центр класса «А» на набережной реки Фонтанки. Это было отреставрированное историческое здание с лепниной, мраморными лестницами и строгой охраной на входе. Именно здесь располагался офис юридической компании «Шевчук и партнеры», которая, согласно финансовым отчетам фонда «Ориентир», получала от них миллионные гонорары за «информационное и юридическое сопровождение».

Андрей выглядел безупречно. Он надел свой лучший итальянский костюм, дорогое пальто, на запястье поблескивали часы премиум-класса. На его лице не было и следа бессонной ночи — только холодная, уверенная маска успешного бизнесмена, привыкшего покупать любые услуги.

В кармане его пальто лежал включенный диктофон, настроенный на максимальную чувствительность.

Его приняли незамедлительно. Секретарь провела Андрея в просторный кабинет с панорамными окнами, выходящими на серую, покрытую рябью воду Фонтанки. За массивным столом из мореного дуба сидел мужчина лет пятидесяти с аккуратной седой бородкой и умными, цепкими глазами — Михаил Борисович Шевчук, управляющий партнер фирмы.

— Андрей Сергеевич, рад знакомству, — Шевчук поднялся навстречу, демонстрируя безупречные манеры. — По телефону вы сказали, что у вас возникла деликатная семейная проблема, требующая нашего специфического профиля. Присаживайтесь. Чай, кофе?

— Без кофе, Михаил Борисович. Время — деньги, — Андрей опустился в глубокое кожаное кресло и положил руки на стол. — Давайте сразу к делу. Моя бывшая жена сошла с ума. Она увлеклась какими-то восточными практиками, тратит мои алименты на семинары и пытается втянуть в это нашего восьмилетнего сына. Я хочу забрать мальчика. Полностью. Без права ее доступа к нему. Но закон в нашей стране, как вы знаете, обычно на стороне матери. Мне сказали, что вы умеете решать такие вопросы эффективно и без лишней грязи в прессе.

Шевчук понимающе улыбнулся. Он откинулся на спинку кресла, соединив кончики пальцев. В его взгляде появилось то особое выражение, которое бывает у хищников, почуявших крупную добычу.

— Вы обратились по адресу, Андрей Сергеевич. Мы действительно специализируемся на... сложных семейных кейсах. И должен вам сказать, что стандартные методы тут не работают. Попытаться доказать в суде, что мать плохо кормит ребенка или не вовремя делает с ним уроки — это путь в никуда. Судьи к этому привыкли, это вызывает лишь раздражение. Нужен другой масштаб.

— Какой именно? — Андрей подался вперед, изображая нетерпение.

— Духовная безопасность, — мягко произнес Шевчук. — Это ключевое слово, которое сегодня открывает любые двери. Мы не будем доказывать, что ваша бывшая жена плохая мать. Мы докажем, что она представляет смертельную опасность для неокрепшей психики ребенка. Что она вовлекла его в деструктивную среду.

— И как вы это сделаете? У нее обычные занятия йогой и медитацией. Это сложно назвать сектой в юридическом смысле.

Шевчук тихо рассмеялся, и этот смех показался Андрею на редкость циничным.

— Юридический смысл — это то, что мы сами создаем, Андрей Сергеевич. У нас есть пул проверенных, авторитетных экспертов. Люди с учеными степенями, члены экспертных советов при министерствах. Они подготовят комплексное заключение. Назовут эти ее «практики» скрытым психологическим насилием, использованием суггестивных техник и кодированием сознания. Напишут, что ребенок находится в состоянии глубокого стресса и депрессии из-за материнского влияния.

— А органы опеки? — спросил Андрей. — Они ведь должны прийти с проверкой, оценить условия.

— Органы опеки — это обычные женщины с копеечной зарплатой, — Шевчук пренебрежительно махнул рукой. — Они до смерти боятся двух вещей: ответственности и слова «секта». Когда мы приносим им экспертное заключение с синими печатями, где написано, что ребенок подвергается духовному насилию, у них отключается способность думать. Они не хотят стать крайними, если с мальчиком что-то случится. Мы помогаем им составить правильный акт осмотра. У нас есть... скажем так, давние

рабочие контакты в ключевых районных отделах. За определенный спонсорский взнос в пользу дружественных нам благотворительных фондов — например, фонда «Ориентир» — инспекторы опеки напишут ровно то, что нам нужно. Они сами потребуют в суде немедленного изъятия ребенка у матери.

Андрей слушал, чувствуя, как внутри него все сжимается от отвращения. Схема была отработана до мелочей. Это был конвейер, ломающий человеческие судьбы ради денег и амбиций.

— Сколько это будет стоить? — спросил он, сохраняя маску холодного дельца.

Шевчук взял со стола ручку, быстро написал на листке бумаги цифру и пододвинул его Андрею. Сумма была семизначной.

— Это базовый пакет, — пояснил юрист. — Сюда входит подготовка экспертизы, работа с опекой, обеспечение нужного решения в суде первой инстанции и полное информационное сопровождение. Мы сделаем так, что в местных СМИ выйдет пара статей о том, как успешный отец спасает сына из лап безумной сектантки. После этого у судьи просто не будет выбора. Общественное мнение будет на вашей стороне.

— А если мать попытается бороться? Начнет писать жалобы, привлекать правозащитников?

Шевчук снисходительно улыбнулся.

— Пусть пишет. У нас есть опыт нейтрализации таких активистов. Любая ее попытка защищаться будет трактоваться нашими экспертами как симптом измененного сознания и агрессии. Чем больше она будет кричать о своей невинности, тем сильнее будет казаться суду, что она неадекватна. Мы загоним ее в такую правовую мясорубку, что через полгода она сама откажется от любых претензий, лишь бы ее оставили в покое.

Андрей медленно поднялся. Он аккуратно взял листок с цифрой и положил его в карман, туда, где продолжал работать диктофон.

— Спасибо, Михаил Борисович. Мне нужно обдумать детали и согласовать бюджет с моими финансовыми аналитиками. Я свяжусь с вами завтра.

— Не затягивайте, Андрей Сергеевич, — Шевчук тоже поднялся и протянул ему руку. — В таких делах важно действовать на опережение. Кто первый нанес удар и приклеил ярлык, тот и выиграл.

Андрей пожал его холодную, сухую ладонь и вышел из кабинета.

Он шел по набережной Фонтанки, не замечая холодного ветра, который швырял ему в лицо пригоршни пыли. В его кармане лежала записка, способная разрушить карьеру Шевчука и нанести серьезный удар по всей сети фонда «Ориентир». Но Андрей понимал: в рамках существующей системы эта записка ничего не изменит. Шевчук откупится, дело замять помогут те самые покровители во власти, о которых говорил журналист Широков, а Денис так и останется в руках похитителей.

Ему нужны были не юридические доказательства. Ему нужно было понять, где держат его сына.

Он сел в свой внедорожник, завел двигатель и включил обогрев лобового стекла. В салоне было тепло, но Андрея продолжал бить внутренний озноб. Он посмотрел на свои руки — они слегка дрожали. Это был страх. Не за себя — за Дениса, который сейчас находился во власти людей, считающих себя вправе ломать чужие души ради своей извращенной философии.

В этот момент его телефон, лежавший на приборной панели, коротко завибрировал.

На экране высветилось уведомление о новом текстовом сообщении. Номер отправителя не определился — вместо цифр стояла пустая строка, защищенная протоколом шифрования.

Андрей разблокировал экран.

«Ибо топор уже лежит у корня деревьев: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. Отец, не уберегший семя свое от сорняков, сам станет сухой ветвью, брошенной в пламя. Суд над несправедными отцами начался, Андрей. Твой сын проходит очищение от твоей скверны. Он учится дышать тишиной. А ты продолжаешь искать ответы в своих грязных цифрах и законах людей. Но законы людей не спасут тебя от гнева Господня. Каждый твой шаг приближает его к финалу. Готов ли ты принести свою жертву?»

Андрей перечитал сообщение трижды. Каждое слово дышало холодным, фанатичным безумием. Это не был обычный шантаж. Похититель не требовал денег, не ставил условий. Он вел с ним теологический спор, обвиняя его в грехах, которые Андрей сам пытался скрыть от себя за фасадом успешной жизни.

Он посмотрел на лобовое стекло, по которому стекали струи грязной воды. Дождь в Петербурге казался бесконечным, словно сама природа пыталась смыть этот город с лица земли. Андрей сжал руль так, что побелели суставы пальцев.

Они хотели, чтобы он сдался. Чтобы он признал себя виновным и покорно ждал их приговора. Но они плохо знали Андрея Воронова. Он совершил много ошибок в жизни, он действительно был плохим отцом, но он не собирался отдавать своего сына палачам, прикрывающимся именем Бога.

Он нажал на педаль газа, и тяжелый внедорожник мягко тронулся с места, вливаясь в серый, равнодушный поток машин, текущий по набережной Фонтанки. Игра переходила на новый уровень, и теперь правила в ней устанавливал не только похититель.

Глава 4. Голос из темноты

Пыль в квартире покойного дяди на Петроградской стороне казалась овеществленным временем. Она лежала ровным, серым слоем на корешках старых книг, на клавишах расстроенного пианино «Красный Октябрь», на тяжелых дубовых рамах окон, выходящих в глухой двор-колодец. Андрей сидел за письменным столом, положив руки на холодную столешницу. Единственным источником света в комнате был тусклый экран его ноутбука. За окном, не переставая, шел мелкий, холодный дождь, его капли монотонно стучали по жестяному отливу — *кап-кап, кап-кап* — словно китайская пытка водой, призванная окончательно разрушить остатки его самообладания.

В три часа ночи на его электронную почту пришло письмо с одноразового, защищенного сквозным шифрованием адреса. В теме письма стоял лишь один символ — точка. Внутри находился единственный вложенный файл в формате MP3 под названием «Очищение».

Андрей долго смотрел на иконку файла, прежде чем решиться нажать на воспроизведение. Его пальцы, обычно точные и быстрые, сейчас казались чужими и непослушными. Он надел наушники, закрыл глаза и кликнул по экрану.

Сначала в наушниках раздался тяжелый, низкочастотный гул, похожий на работу мощного промышленного трансформатора или вентиляционной системы глубокого бункера. Затем сквозь этот гул пробился голос.

Это был Денис. Но это был не тот мальчик, которого Андрей провожал на вокзале. Голос сына звучал пугающе ровно, монотонно, без единой эмоциональной интонации, словно он читал сложный технический текст на незнакомом языке. В его речи не было пауз для вдоха в привычных местах, он говорил на одном выдохе, механически отчеканивая каждое слово.

— Я должен рассказать о своих грехах, — произнес Денис. — Мой папа заставлял меня лгать. Он говорил, что если мы не будем казаться счастливыми, у нас отнимут все. Он всегда считал свои цифры. Когда я подходил к нему, он смотрел сквозь меня, на экран своего компьютера. Он думал, что покупает мою любовь игрушками и поездками. Но это была ложь. Он научил меня притворяться. Он научил меня скрывать свою пустоту. Теперь я знаю, что это грех. Я хочу очиститься от его скверны. Я хочу уйти туда, где тихо.

За кадром раздался тихий, едва различимый шорох, похожий на шелест бумаги или движение плотной ткани. Затем тот же глубокий, мягкий баритон, который Андрей слышал на видеокассете, тихо спросил:

— Ты готов оставить его мир, Денис?

— Да, — ответил мальчик без малейшего колебания. — Я готов. Здесь тепло. Здесь нет цифр.

Запись оборвалась резким, сухим щелчком.

Андрей сорвал наушники и швырнул их на стол. Его дыхание было прерывистым, сердце колотилось в груди, как пойманная птица. Лоб покрылся холодной испариной. Слова сына резали глубже любого ножа. «Он заставлял меня лгать... Он смотрел сквозь меня...» Это была не просто ложь похитителей. Это была искаженная, но все же правда. Андрей действительно требовал от сына идеального поведения на публике, особенно перед партнерами по бизнесу и во время редких семейных обедов, призванных продемонстрировать его «успешность» во всех сферах жизни. Он использовал ребенка как элемент своего статуса, как дорогую деталь интерьера.

Но монотонность голоса Дениса... В ней было что-то глубоко неестественное. Мальчик не плакал, не просил о помощи, не выказывал страха. Он говорил так, словно его сознание было полностью стерто и заменено чужой, жесткой программой.

В девять часов утра Андрей уже стоял у дверей неприметной лаборатории в одном из полуподвальных помещений на Васильевском острове. Здесь, среди стеллажей с разобранными серверами, осциллографами и старыми бобинными магнитофонами, работал Леонид Маркович Шустер — бывший эксперт-акустик криминалистического центра МВД, ныне зарабатывающий на жизнь частной экспертизой аудиозаписей для судов и детективных агентств. Это был невысокий, сутулый человек с растрепанными седыми волосами и толстыми линзами очков, за которыми его глаза казались огромными и водянистыми.

Шустер молча принял флешку с записью, вставил ее в порт мощного рабочего компьютера и запустил программу спектрального анализа. На трех мониторах мгновенно расцвели сложные разноцветные графики — частотные характеристики, амплитудные огибающие и трехмерные спектрограммы звука.

— Ну-с, молодой человек, давайте посмотрим, что у нас тут за птица поет, — пробормотал Шустер, двигая мышку быстрыми, точными движениями.

Он запустил запись. В динамиках профессиональной акустической системы раздался уже знакомый Андрею монотонный голос Дениса. Шустер слушал внимательно, прикрыв глаза и слегка покачивая головой в такт речи мальчика. Затем он остановил воспроизведение, выделил определенный участок спектрограммы и увеличил его.

— Очень интересно, — протянул акустик, потирая подбородок. — Очень специфический материал. Обратите внимание на фоновый шум. Вы его слышите? Этот низкочастотный гул на частоте около пятидесяти герц.

— Это работа вентиляции? — спросил Андрей, подавшись вперед.

— Не просто вентиляции, — Шустер покачал головой. — Это гул, характерный для мощных систем кондиционирования и фильтрации воздуха, которые используются в герметичных, изолированных пространствах. Но самое главное не это. Посмотрите на отражение звуковых волн. В любом обычном помещении — в квартире, офисе, даже в подвале — есть так называемая естественная реверберация. Звук голоса отражается от

стен, потолка, мебели, создавая микроскопическое эхо. Здесь реверберация практически равна нулю. Звук абсолютно «сухой», мертвый.

— Что это значит?

— Это значит, что запись сделана в помещении с особыми акустическими характеристиками, — Шустер повернулся к Андрею, глядя на него поверх очков. — Стены этого помещения полностью поглощают звук. Это может быть либо профессиональная безэховая камера для испытания микрофонов, либо... что гораздо более вероятно, учитывая характер фонового гула, экранированная комната. Так называемая клетка Фарадея, обшитая изнутри толстыми медными листами и специальным звукопоглощающим поролоном, чтобы исключить любые внешние электромагнитные и акустические помехи. Или старая советская барокамера. В таких местах в советское время проводились очень специфические исследования.

— Какие исследования? — Андрей почувствовал, как внутри него начинает расти холодная тревога.

— Исследования в области воздействия физических полей на человеческую психику, — тихо ответил Шустер. — Энцефалография, изучение биоритмов мозга, акустическое воздействие. В обычной комнате такие замеры делать бесполезно — слишком много внешних помех от радиостанций, электросетей и городского шума. Нужна полная изоляция. И эта запись сделана именно в таком месте. Причем, судя по характеристикам затухания высоких частот, объем помещения очень мал — буквально три на три метра. Железная коробка, закопанная глубоко под землю или скрытая в стенах какого-то старого научно-исследовательского института.

Шустер снова повернулся к экрану и выделил еще один частотный диапазон, находящийся на самой границе человеческого слуха — около шестнадцати тысяч герц.

— А вот это уже совсем скверно, Андрей Сергеевич, — произнес он изменившимся голосом. — Посмотрите на эту гребенку частот. Это ультразвуковая маскировка. На саму запись наложен очень слабый, практически неразличимый для уха высокочастотный сигнал. Он идет волнообразно, с определенной амплитудной модуляцией.

— Зачем это нужно?

— Это классический метод субсенсорного воздействия, — Шустер помрачнел. — Наше сознание этот сигнал не воспринимает, мы слышим только голос мальчика. Но мозг, его слуховая кора, фиксирует эти колебания. Они вызывают резонанс в определенных структурах головного мозга, вызывая чувство тревоги, подавленности или, наоборот, абсолютного подчинения. Это не просто запись, Андрей Сергеевич. Это инструмент воздействия. Тот, кто записывал вашего сына, профессионально владеет технологиями акустического кодирования.

Вернувшись в свое временное убежище на Петроградской, Андрей погрузился в изучение материалов, которые упомянул Шустер. Его аналитический ум требовал фактов, имен и дат. Он открыл ноутбук и начал искать информацию о советских разработках в области акустического и психотронного воздействия.

Нити расследования, тянущиеся из темной истории советских психотехнологий, закрытых лабораторий и карательной психиатрии, неизбежно привели его к одной фигуре — академику Игорю Смирнову, которого в узких кругах и западной прессе называли «отцом психотронного оружия».

Андрей медленно читал архивные статьи и рассекреченные документы, которые ему удалось выудить из закрытых сетевых библиотек. Биография Смирнова казалась готовым сценарием для мрачного триллера. Он родился в семье Виктора Абакумова, могущественного министра государственной безопасности СССР, арестованного в 1951 году и впоследствии расстрелянного. Его мать, Антонина Смирнова, была дочерью известного советского гипнотизера Николая Орнальдо-Смирнова, чьи массовые сеансы на сцене в 1930-е годы собирали полные залы и неизбежно привлекли внимание Глеба Бокия, руководителя спецотдела ВЧК-ОГПУ, занимавшегося изучением паранормальных явлений и методов контроля над разумом. След самого Орнальдо-Смирнова загадочно оборвался в годы репрессий, но его наследие не исчезло.

Игорь Смирнов, унаследовав семейные архивы и способности деда, в 1970-е годы окончил 1-й Московский государственный медицинский институт имени Сеченова. Уже на последних курсах он начал разрабатывать уникальные психотехнологии — компьютерные методы, позволяющие диагностировать и корректировать психическое состояние человека через прямой доступ к подсознанию, минуя критический барьер сознания. В возрасте двадцати восьми лет он возглавил закрытую лабораторию психокоррекции в том же институте.

Новаторство Смирнова заключалось в оригинальном синтезе психоанализа и компьютерных технологий. Его метод компьютерного психосемантического анализа лег в основу аппаратно-программного комплекса MindReader, который позиционировался как инструмент выявления неосознаваемых реакций и скрытых психосемантических связей.

Андрей наткнулся на интервью Елены Русалкиной, жены и соратницы Смирнова, в котором она открыто говорила о возможностях их разработок:

«У Смирнова были конкретные методы, которые, среди прочего, действительно могут стирать память и изменять её содержание. Такие методы существуют... Возможно ли сделать зомби? Да, это возможно».

Эти технологии постоянно связывали с интересом государственных структур. В конце 1970-х — начале 1980-х годов лаборатория Смирнова работала со советскими спортсменами перед Олимпиадой-80 в Москве, помогая им мобилизовать скрытые ресурсы психики. Но у этих технологий была и другая, темная сторона. Разработки Смирнова связывали с интересом военных и спецслужб к методам скрытого воздействия, субсенсорного внушения и психокоррекции поведения.

Самым известным и пугающим примером применения этих технологий на международном уровне стала осада ранчо «Маунт-Кармел» в Уэйко, штат Техас, в 1993 году. Андрей нашел архивные публикации в американском издании *Defense Electronics* и журнале *Newsweek*, где описывалось, как эксперты Центра по борьбе с терроризмом ФБР тайно встречались со Смирновым в Арлингтоне, штат Вирджиния.

Смирнов предложил американским спецслужбам использовать его компьютеризированное акустическое устройство для воздействия на лидера религиозной группы Дэвида Кореша и его последователей. План заключался в том, чтобы транслировать по телефонным линиям или через мощные динамики зашифрованные, субсенсорные сообщения, замаскированные под голоса родственников членов группы. Эти сообщения должны были обходить критическое восприятие и внедряться прямо в подсознание. Для самого Кореша готовился особый «Голос Бога», сыгранный актером, который должен был восприниматься как божественное послание, призывающее сдаться.

Когда агенты ФБР спросили Смирнова, что произойдет, если система даст сбой, русский ученый ответил с леденящим спокойствием:

«Последователи Кореша могут перерезать друг другу плотки, совершая акты смертельного насилия».

Согласно официальным отчетам, ФБР тогда отказалось от использования этих методов, испугавшись непредсказуемых последствий. Но факты говорили сами за себя: во время осады Кореш внезапно изменил свое решение о мирном выходе, заявив на пресс-конференции, что «услышал голос Бога, повелевший ему ждать». Итог этой осады был ужасен — пожар, унесший жизни более семидесяти человек.

Андрей откинулся на спинку стула. В его голове складывался пазл. Технологии Смирнова, основанные на акустическом кодировании и субсенсорном воздействии, никуда не исчезли после его смерти. Они были адаптированы и усовершенствованы новыми «экспертами», работающими под вывеской фонда «Ориентир» и центра «Рассвет». Доктор Волков и его приспешники использовали эти методы для «духовной коррекции» детей. Они буквально взламывали мозг ребенка, стирая его прежнюю личность и записывая на ее место новую программу.

Именно поэтому Денис говорил таким монотонным, безжизненным голосом. Его мозг был подвергнут жесткой обработке в одной из таких экранированных камер.

Андрей начал искать информацию о возможных местах расположения таких камер в Ленинградской области. Он понимал, что действующие военные объекты или современные научные центры для этого не подходят — там слишком строгий контроль. Похитителям нужно было изолированное, заброшенное, но все еще функциональное место.

Его внимание привлекла выписка из реестра ликвидированных государственных учреждений за 1998 год.

Микро-кейс: Спецбольница № 4 Министерства здравоохранения РСФСР (объект «Чернявское») *Дата основания:* 1974 год. *Профиль:* Закрытое лечебно-профилактическое учреждение для принудительного лечения и реабилитации лиц с пограничными расстройствами психики. Фактически — закрытый ведомственный объект, связанный с системой спецпсихиатрии и лабораторных программ позднесоветского периода. *Руководитель научной группы в 1981–1989 гг.:* кандидат

медицинских наук Волков Валерий Евгеньевич. *Документ:* Из внутренней сводки, приложенной к архивной карточке объекта: «В период с 1982 по 1985 гг. на базе объекта “Чернявское” проводились испытания по теме “Тор-1” (исследование влияния модулированных акустических сигналов сверхвысокой частоты на семантическую память пациентов с диагнозом “вялотекущая шизофрения”). В рамках проекта использовалась экранированная камера объемом 12 кубических метров, оборудованная генераторами субсенсорного воздействия конструкции лаборатории психокоррекции 1-го ММИ». *Статус:* Объект ликвидирован в 1996 году в связи с отсутствием финансирования. Имущество передано на баланс местного муниципалитета, фактически заброшено.

Андрей затаил дыхание. Валерий Евгеньевич Волков. Тот самый доктор Волков, который сейчас выступал в роли ведущего эксперта фонда «Ориентир» и консультировал его бывшую жену Елену. Волков не просто использовал современные методики — он вернулся на место своих старых советских экспериментов. Он использовал заброшенную спецбольницу «Чернявское» как базу для своей новой, частной программы «очищения» детей.

Объект находился в Выборгском районе, глубоко в лесу, примерно в двенадцати километрах от поселка Рощино, в стороне от действующих дорог.

Андрей быстро собрал вещи. Он понимал, что ехать туда днем — значит привлечь лишнее внимание. Ему нужно было действовать под прикрытием темноты. Он положил в карман куртки тяжелый металлический фонарь, нож, портативный диктофон и черный блокнот Дениса.

Дорога к объекту «Чернявское» напоминала спуск в преисподнюю. После съезда с Выборгского шоссе асфальт быстро закончился, уступив место разбитой грунтовке, размытой нескончаемым ноябрьским дождем. Тяжелый внедорожник Андрея с трудом преодолевал глубокие лужи и грязевые колеи. Ветки сосен скрежетали по бортам машины, словно когти диких зверей, пытающихся удержать его, не пустить дальше.

Примерно за два километра до цели дорога уперлась в поваленный поперек пути старый бетонный столб. Дальше нужно было идти пешком.

Андрей выключил фары и двигатель. Салон машины мгновенно погрузился в абсолютную, липкую темноту. Слышен был только шум дождя, барабанившего по крыше,

и завывание ветра в кронах деревьев. Он включил фонарь, отрегулировав луч так, чтобы он давал узкую, неяркую полосу света, и вышел из машины.

Холодный воздух, пахнувший прелой хвоей, мокрым мхом и гнилью, тут же заставил его вздрогнуть. Андрей поднял воротник куртки и пошел по заброшенной просеке. Земля под ногами хлюпала, ноги скользили по мокрым корням деревьев.

Через полчаса тяжелого пути среди деревьев показался силуэт здания.

Это был трехэтажный корпус из серого силикатного кирпича, построенный в стиле советского конструктивизма. Окна первого этажа были закрыты ржавыми металлическими решетками, многие стекла на верхних этажах были выбиты. Здание выглядело мертвым, заброшенным памятником ушедшей эпохи. Вокруг него вырос густой кустарник, а на крыше уже успели прижиться молодые березки.

Андрей подошел к главному входу. Тяжелые деревянные двери, обитые железом, были приоткрыты. На ржавом замке виднелись следы свежего спила — кто-то срезал его совсем недавно, используя угловую шлифовальную машину.

Он осторожно протиснулся внутрь и оказался в просторном вестибюле. Фонарь выхватил из темноты облупившуюся зеленую краску на стенах, остатки советских плакатов по гражданской обороне и груды битого кирпича на полу. В воздухе стоял стойкий запах сырости, плесени и старого железа.

Андрей двигался медленно, стараясь не шуметь. Его шаги глухо отдавались в пустых коридорах спецбольницы. Он спустился по полуразрушенной лестнице в подвальный этаж — именно там, согласно архивным планам, должны были располагаться исследовательские лаборатории и экранированные камеры.

Здесь темнота была еще более плотной, почти осязаемой. Воздух казался тяжелым, холодным, как в склепе.

Он шел по длинному коридору, мимо пустых процедурных кабинетов и палат с тяжелыми железными дверями, в которых были прорезаны узкие смотровые окошки. На полу валялись ржавые гинекологические кресла, разбитые ампулы, обрывки медицинских карт с пожелтевшими страницами.

В самом конце коридора Андрей остановился перед массивной стальной дверью, которая резко отличалась от остальных. Она была круглой, похожей на люк подводной лодки или шлюз барокамеры, с тяжелым штурвалом запорного механизма посередине.

Андрей посветил фонарем на петли двери. Они были густо смазаны свежим, темным солидолом. На полу перед дверью отчетливо виднелись следы обуви — глубокие отпечатки тяжелых армейских ботинок, точно такие же, какие он видел на просеке у лагеря «Светлый путь». И рядом — маленькие, едва заметные следы детских кроссовок.

Денис был здесь. Его приводили сюда.

Андрей ухватился за штурвал двери и с трудом повернул его. Металл отозвался тяжелым, глухим скрежетом. Он потянул дверь на себя. Она медленно, со стоном открылась, обнажая внутреннее пространство камеры.

Это была та самая комната, которую он видел на видеокассете и характеристики которой описал Шустер. Небольшое помещение, полностью обшитое листами потемневшей от времени меди. На стенах местами сохранились куски старого звукопоглощающего поролона, похожего на серые гнилые грибы. В центре комнаты стоял простой деревянный стул — тот самый, на котором сидел его сын.

Андрей вошел внутрь. Пространство мгновенно сдавило его уши — здесь действительно не было никаких внешних звуков, даже шум дождя снаружи полностью исчез. Тишина была абсолютной, звенящей, вызывающей мгновенное чувство дезориентации и легкой тошноты.

Он посветил фонарем на пол около стула. Там лежал свежий пластиковый стаканчик из-под воды, обертка от современного шприца и пустая ампула с надписью «Аминазин». Рядом на полу валялся небольшой клочок бумаги. Андрей подобрал его. Это был рисунок Дениса — еще одно безликое существо с длинными руками, нарисованное дрожащей детской рукой.

Они держали его здесь. Подвергали акустической обработке, накачивали нейролептиками, ломая его волю, заставляя записывать эти страшные признания на диктофон.

Внезапно в этой абсолютной тишине Андрей услышал звук.

Это был не шум ветра и не стук дождя. Это был отчетливый, сухой треск ломающейся ветки, донесшийся из коридора подвала, прямо за пределами экранированной камеры.

Андрей мгновенно выключил фонарь. Темнота захлопнулась над ним, как крышка гроба. Он замер, прижавшись спиной к холодной медной стене камеры, и затаил дыхание.

В коридоре было тихо. Но эта тишина больше не была пустой. Она была наполнена чьим-то присутствием. Андрей чувствовал это на физическом уровне — кожа на затылке стянулась, волосы на руках встали дыбом. Кто-то стоял там, в темноте коридора, и слушал.

Прошло около минуты, показавшейся Андрею вечностью. Затем послышался тихий, едва различимый шорох шагов. Кто-то медленно двигался по направлению к камере, стараясь ступать бесшумно, но подошвы его обуви слегка шуршали по мелкому кирпичному крошеву на полу.

Андрей крепче сжал в правой руке тяжелый металлический фонарь, используя его как дубинку. Его сердце колотилось так сильно, что ему казалось, этот стук слышен на весь подвал.

Шаги остановились прямо у открытой двери камеры.

Андрей не видел ничего, но он чувствовал, как холодный воздух из коридора втягивается внутрь помещения. В проеме двери показался силуэт — чуть более темный контур на фоне абсолютной черноты коридора. Это была высокая фигура в длинном плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо.

Фигура замерла, словно оценивая обстановку.

Андрей сделал резкий шаг вперед и включил фонарь, направив мощный луч света прямо в лицо незнакомцу.

Свет выхватил из темноты глубокий капюшон, из-под которого блеснули стекла темных очков и нижняя часть лица, закрытая плотной черной маской-балаклавой. Незнакомец инстинктивно вскинул руку, закрываясь от яркого света.

— Стоять! — крикнул Андрей, его голос сорвался на хрип. — Где мой сын?!

Вместо ответа незнакомец сделал резкое движение назад, уходя от луча света, и бросился бежать по коридору.

Андрей выскочил из камеры и устремился в погоню. Это был безумный, неуклюжий бег в полной темноте, прерываемый лишь вспышками его фонаря. Он спотыкался о груды мусора, цеплялся плечами за ржавые косяки дверей, но не останавливался. Ярость и отчаяние гнали его вперед, вытесняя остатки страха.

— Стой, тварь! — орал Андрей, слыша, как впереди, в нескольких десятках метров, тяжело дыша, бежит преследуемый.

Они взлетели по полуразрушенной лестнице на первый этаж. Незнакомец двигался поразительно быстро и уверенно, словно отлично знал планировку этого здания. Он не пытался бежать к главному входу. Вместо этого он свернул в боковой коридор, ведущий к хозяйственному блоку.

Андрей бежал за ним, видя, как фигура в плаще мелькает в луче его фонаря. На повороте незнакомец толкнул тяжелую железную дверь, и она с грохотом захлопнулась прямо перед носом Андрея.

Андрей с разбегу ударился в нее плечом. Дверь оказалась заперта с той стороны на засов. Он начал яростно бить по ней ногами и металлическим фонарем, но тяжелое железо не поддавалось.

— Открой! Открой, сука! — кричал он в пустоту, задыхаясь от бессильной ярости.

Поняв, что дверь не выбить, Андрей развернулся и бросился обратно, пытаясь обойти здание снаружи. Он выскочил через главный вход под проливной дождь. Холодная вода мгновенно хлынула ему на лицо, ослепляя. Он побежал вокруг корпуса, продираясь сквозь мокрые кусты, царапающие ему лицо и руки.

Когда он добежал до окон хозяйственного блока, было уже поздно. Одно из окон первого этажа, решетка которого была давно выломана, было открыто. На грязном подоконнике виднелись свежие следы грязи.

Андрей посветил фонарем в глубь темного леса. Деревья стояли плотной, безмолвной стеной. Дождь шумел в кронах сосен, смывая любые звуки и следы. Незнакомец исчез в этой непроглядной ночной мгле, словно растворился в ней.

Андрей стоял под дождем, тяжело дыша, его одежда полностью промокла, руки были испачканы в грязи и ржавчине. Он проиграл эту схватку. Похититель снова ушел, оставив его одного среди этого проклятого леса.

Он медленно вернулся внутрь здания, чувствуя, как его покидают последние силы. Его била крупная дрожь — то ли от холода, то ли от нервного истощения.

Он дошел до той самой запертой двери в хозяйственном блоке, которую незнакомец закрыл перед ним. Посветил на нее фонарем.

На серой, покрытой ржавчиной металлической поверхности двери, прямо на уровне его глаз, красовался свежий рисунок. Он был сделан широким черным маркером, чернила еще не успели высохнуть и блестели под каплями конденсата.

Это был круг, перечеркнутый тремя параллельными вертикальными линиями.

Тот самый символ. Подпись системы. Знак того, что за ним наблюдают. Что каждый его шаг просчитан и контролируется теми, кто считает себя вправе вершить суд над человеческими душами.

Андрей медленно опустил руку с фонарем. Луч света упал на его грязные ботинки. В этой мертвой, заброшенной спецбольнице, под монотонный шум дождя, он понял, что опасность находится гораздо ближе, чем он думал. И эта опасность не имела лица, скрываясь за синими печатями официальных экспертиз, авторитетными именами ученых и холодными, фанатичными символами на стенах заброшенных тюрем для человеческого разума.

Глава 5. Трагедия в Уэйко. Русское эхо

Дождь над промзоной Обухово казался серым занавесом, который кто-то забыл поднять. Вода стекала по кирпичным стенам старых советских заводов, скапливалась в глубоких колеях между бетонными плитами и превращала редкую траву у обочин в грязное месиво. Андрей сидел в машине, положив руки на руль. Отопитель работал на

полную мощность, но тепло не помогало избавиться от внутреннего озноба, который преследовал его со времени ночного визита в заброшенную спецбольницу «Чернявское».

В его кармане лежал диктофон с записью разговора в юридической фирме Шевчука, а на заднем сиденье — папка с финансовыми документами фонда «Ориентир», которую он успел забрать из своего временного убежища на Петроградской стороне. Андрей понимал, что собранные им факты — это лишь разрозненные детали огромной картины, структуру которой он пока не мог до конца осознать. Ему нужен был человек, который видел эту систему изнутри, но не был ее частью.

Дмитрий Николаевич Тарасов ждал его в спортивном клубе на окраине промзоны. Это было полуподвальное помещение бывшего Дворца культуры, переоборудованное под секцию бокса для местной молодежи. Когда Андрей вошел, его встретил знакомый с юности запах: смесь пота, старой кожи, влажного бетона и дешевой мастики для пола. В зале было пусто, лишь в дальнем углу тускло светила одинокая неоновая лампа.

Тарасов стоял у тяжелого кожаного мешка, методично нанося короткие, хлесткие удары. Это был мужчина лет пятидесяти, плотного сложения, с коротко стриженными седыми волосами и характерным лицом человека, прошедшего через множество горячих точек: сломанный нос, шрам, рассекающий левую бровь, и тяжелый, неподвижный взгляд. В девяностые годы он командовал штурмовой группой СОБРа, а теперь тренировал подростков из неблагополучных семей.

— Пришел все-таки, — не оборачиваясь, произнес Тарасов. Он нанес последний удар, от которого мешок тяжело качнулся, и начал медленно разматывать эластичные бинты с рук. — Садись на лавку, в ногах правды нет.

Андрей опустился на старую деревянную скамью у стены. Тарасов подошел, набросил на плечи потертую спортивную куртку и сел рядом. Его пальцы, покрытые старыми мозолями, двигались медленно и уверенно.

— Мне сказали, ты ищешь концы по делу фонда «Ориентир», — заговорил бывший собровец, глядя перед собой на колеблющийся в полумраке боксерский мешок. — И что твоего пацана увели из лагеря. Сочувствую. Но если ты думаешь, что это обычный криминал, ты ошибаешься. Это система, Андрей. И зародилась она не вчера.

— Я нашел документы, — тихо сказал Андрей. — И записи. Они используют методы психологического давления, ломают детей, заставляют их отказываться от

родителей. Но я не понимаю, почему полиция бездействует. Почему Бахов так упорно пытается закрыть дело как несчастный случай?

Тарасов горько усмехнулся. Он вытащил из кармана пачку сигарет, покрутил ее в руках, но курить не стал — просто положил на скамью между ними.

— Потому что полиция боится, — ответил он. — И потому что полиция сама давно стала инструментом в их руках. Хочешь, я расскажу тебе, как это начиналось? В середине девяностых, когда страна трещала по швам, в силовые структуры начали приходить странные люди. Они называли себя «экспертами по деструктивным культам». Привозили с собой американские брошюры, переведенные на скорую руку, и читали нам лекции. Рассказывали, что вокруг нас враги, что мирные общины, которые селились в заброшенных деревнях Ленобласти или Сибири, — это вооруженные фанатики, готовые в любой момент устроить массовое самоубийство или теракт.

Тарасов сделал паузу, его взгляд стал еще более жестким, словно он возвращался в те годы.

— В девяносто шестом году нам дали приказ на штурм одной такой общины под Приозерском, — продолжил он, и его голос зазвучал тише. — Нам расписали их как опасных террористов. Сказали, что у них там склады оружия, что они удерживают заложников, детей. Мы пошли на штурм по полной программе: бронетехника, светозумовые гранаты, автоматическое оружие. Выбили двери, ворвались внутрь. И что мы там увидели?

Он повернулся к Андрею, и в его глазах отразился тусклый свет неоновой лампы.

— Там были женщины, старики и дети. Никакого оружия. Только лопаты, грабли и Библии. Но из-за той паники, которую в нас поселили эти «эксперты», один из моих бойцов с перепугу выстрелил в парня, который просто побежал к выходу. Парень погиб на месте. Женщина средних лет умерла от инфаркта прямо на полу, пока мы держали всех лицом в грязь. А потом приехали те самые «сектоведы» вместе с телекамерами. Они ходили по комнатам, снимали детские игрушки, какие-то простые книги и вещали на всю страну, что СОБР предотвратил страшную трагедию. Они сделали себе имя на этой крови. А мы... мы остались с ощущением, что нас использовали как палачей.

— Кто были эти эксперты? — спросил Андрей, чувствуя, как холод подступает к сердцу.

— Те же, кто и сейчас рулит фондом «Ориентир», — ответил Тарасов. — Сеть Дворкина, его ученики и последователи. Они создали идеальную схему манипуляции силовиками. Они приходят к начальству, приносят свои «экспертизы» с синими печатями, пугают их страшными терминами, которых никто в министерстве не понимает, и система послушно выполняет их волю. Они дегуманизируют людей. Для них нет граждан с конституционными правами. Есть только «сектанты», «нелюди», «угроза». А раз они угроза, значит, против них можно использовать любую силу.

Тарасов поднялся, подошел к старому умывальнику в углу зала, открыл кран и долго умывал лицо холодной водой. Андрей смотрел на его широкую спину, понимая, что этот человек носит в себе эту боль уже почти тридцать лет.

— Это ведь не наше изобретение, — сказал Тарасов, возвращаясь к скамье и вытирая лицо серым полотенцем. — Наши «сектоведы» многое взяли из американской антикультовой модели. Самый страшный пример был в США, в девяносто третьем году. Осада ранчо «Маунт-Кармел» в Уэйко, штат Техас. Слышал о таком?

— Я читал об этом в материалах по психотехнологиям Смирнова, — кивнул Андрей. — Но там все преподносилось как трагическая ошибка ФБР.

— Ошибка? — Тарасов зло сплюнул на пол. — Нет, Андрей. Это была не ошибка. Это была спланированная акция, которой дирижировали американские антикультисты. Главную роль там сыграл такой деятель — Рик Росс. Депрограммист с уголовным прошлым, которого ФБР и ATF почему-то сделали своим консультантом. Он буквально за руку водил федеральных агентов, внушая им, что община «Ветвь Давидова» — это вооруженные до зубов монстры, которые издеваются над детьми и готовят апокалипсис. Хотя местный шериф открыто говорил, что проверял ранчо и никаких следов насилия над детьми не нашел. А лидер общины, Дэвид Кореш, сам приглашал агентов осмотреть их оружие и лицензии. Но антикультистам нужен был прецедент.

Тарасов сел рядом с Андреем и наклонился вперед, уперев локти в колени.

— И федералы развернули полномасштабную войну против собственных граждан. Пятьдесят один день осады. Они использовали против мирной общины танки, вертолеты, слезоточивый газ. А по ночам включали через гигантские динамики звуки забоя животных, крики умирающих кроликов, чтобы не давать людям спать и свести их с ума. Ты представляешь, что это такое? Дети, младенцы, беременные женщины

пятьдесят дней сидят в замкнутом пространстве под этот адский визг. Это методы психологического террора, которые ломают даже подготовленных бойцов.

Андрей вспомнил слова акустика Шустера о низкочастотном гуле и ультразвуковой маскировке на записи голоса Дениса. Методы изменились технически, но суть осталась прежней — разрушение человеческой психики через направленное воздействие.

— В последний день осады, девятнадцатого апреля, они пустили газ и начали штурм, — продолжал Тарасов, его голос вибрировал от сдерживаемого гнева. — Начался пожар. В огне и завалах 19 апреля погибли семьдесят пять человек внутри комплекса, в том числе двадцать пять детей младше пятнадцати лет; в более поздних подсчетах часто называют семьдесят шесть погибших в финальном пожаре. И знаешь, что самое страшное? Общество не содрогнулось от ужаса. Почему? Потому что благодаря медийной кампании, которая заранее закрепила за ними образ опасной «секты», этих людей в глазах обывателей заранее лишили человеческого облика. Их называли «сектантами», «фанатиками». Их смерть воспринималась как очищение общества от скверны. Это логика дегуманизации, Андрей. Только завернутая в обертку борьбы за духовную безопасность.

— Но зачем им это нужно здесь, сейчас? — спросил Андрей. — Зачем похищать детей, зачем устраивать эти игры со мной?

Тарасов посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом.

— Чтобы проверить, насколько глубоко они могут зайти, — тихо произнес он. — Уэйко показало им, что с помощью точечных манипуляций в СМИ можно заставить государственную систему убивать собственных граждан под аплодисменты толпы. Это идеальный инструмент управления. Твой сын, другие пропавшие дети — это не просто жертвы похищения. Это часть более крупного эксперимента по созданию управляемого хаоса. Они тестируют технологии. Смотрят, как реагирует полиция, как реагирует общество, как ломаются родители. Они создают атмосферу постоянного страха и недоверия к власти. Когда люди понимают, что государство не может защитить их детей, а полиция покрывает преступников, рождается глухая, яростная ненависть. И эта ненависть — именно то, что им нужно, чтобы расколоть общество на противоборствующие лагеря.

Слова Тарасова заставили Андрея по-новому взглянуть на документы, которые лежали в его папке. После встречи с бывшим собровцем он вернулся в свою машину, но не стал заводить двигатель. Он включил салонный свет и разложил на пассажирском сиденье распечатки финансовых отчетов фонда «Ориентир», которые ему удалось получить через свои каналы.

Как аудитор, он умел читать между строк финансовых балансов. И то, что он увидел теперь, заставило его забыть о холоде и усталости.

На бумаге фонд «Ориентир» существовал исключительно на пожертвования российских меценатов и скромные государственные гранты. Но Андрей обратил внимание на цепочку странных транзакций, проходивших через несколько некоммерческих партнерств, зарегистрированных в Псковской и Калининградской областях. Эти партнерства, в свою очередь, получали крупные беспроцентные займы от офшорных компаний, зарегистрированных на Кипре и в Белизе.

Андрей открыл ноутбук, подключил мобильный модем и начал проверять эти офшоры через международные реестры бенефициаров. Его пальцы быстро летали по клавиатуре. Через полчаса кропотливой работы схема проявилась.

Конечным источником финансирования этих офшорных структур выступал крупный европейский фонд, который официально занимался «поддержкой демократических институтов и развитием гражданского общества в странах Восточной Европы». Но если проследить движение средств еще глубже, становилось ясно, что этот фонд получал целевые гранты от американских неправительственных организаций, тесно связанных с государственными структурами США.

Это было поразительное, циничное двоемыслие.

Организация, чьи лидеры — такие как Дворкин и Новопашин — на каждом углу кричали о «западной угрозе», о том, что новые религиозные движения являются «инструментом американских спецслужб для разрушения России», сами использовали финансирование из-за рубежа. Эти деньги шли через сложную цепочку лиц и контрактов на проведение «исследований» и «экспертиз».

Андрей откинулся на спинку сиденья, глядя на бегущие по стеклу капли дождя. Теперь все встало на свои места.

Антикультовое движение в России не было патриотической инициативой. Это был транснациональный бизнес, инструмент геополитического влияния, созданный по американским лекалам и финансируемый из тех же источников, что и их западные аналоги. Их цель заключалась не в защите традиционных ценностей или спасении детей. Их цель — создание постоянных очагов социальной напряженности, раскол общества, дискредитация правоохранительных органов и формирование атмосферы тотального страха.

Они использовали трагедии, подобные исчезновению Дениса, чтобы разгонять истерию в СМИ, обвинять власти в некомпетентности и требовать расширения своих собственных полномочий. Они стремились контролировать общественное сознание, навязывая обществу образ врага и заставляя государство тратить огромные ресурсы на борьбу с вымышленными угрозами, пока реальные преступники оставались в тени.

Это и был управляемый хаос в действии. И его сын Денис стал лишь расходным материалом в этой глобальной игре.

Андрей завел двигатель и медленно поехал в сторону центра города. Его мысли были прерваны резким звуком сирены. В зеркале заднего вида он увидел приближающийся сине-красный проблесковый маячок. Черный внедорожник без опознавательных знаков, но с ведомственными номерами, обошел его слева и резко перерезал дорогу, вынуждая остановиться у обочины.

Андрей нажал на тормоз. Сердце забилося быстрее, но он заставил себя сохранить внешнее спокойствие. Из внедорожника вышли двое мужчин в штатском. Один из них подошел к водительской двери Андрея и постучал в стекло тяжелым кожаным перчаткой.

Андрей опустил стекло. Холодный воздух, пахнувший мокрым асфальтом, ворвался в салон.

— Андрей Сергеевич Воронов? — спросил мужчина. Это был высокий, плотного сложения человек лет сорока пяти, с холодными, невыразительными глазами профессионального оперативника. — Выйдите из машины, пожалуйста. С вами хочет поговорить руководство.

Андрей открыл дверь и вышел под дождь. Его провели к задней двери черного внедорожника. Один из оперативников открыл дверь, жестом приглашая его сесть внутрь.

На заднем сиденье внедорожника, утопая в дорогой кожаной обивке, сидел мужчина в форме полковника полиции. Его лицо было широким, с тяжелой челюстью и глубокими морщинами у рта. Это был полковник Вячеслав Викторович Громов, начальник регионального управления внутренних дел — непосредственный начальник капитана Бахова.

— Садись, Воронов, — негромко произнес Громов, даже не взглянув на Андрея. Он смотрел на экран своего планшета, где были открыты какие-то таблицы.

Андрей сел, дверь за ним захлопнулась, отрезая шум улицы и дождя. В салоне пахло дорогим парфюмом, кожей и новой машиной.

— Ты умный человек, Андрей, — заговорил полковник, наконец выключив планшет и повернувшись к нему. — Успешный бизнесмен, аудитор. У тебя хорошие контракты, приличные деньги. Зачем ты лезешь туда, куда тебя не просят?

— Мой сын пропал, Вячеслав Викторович, — ответил Андрей, глядя полковнику прямо в глаза. — И я знаю, что его не ищут. Бахов пытается закрыть дело как несчастный случай, хотя у него под носом лежат доказательства похищения.

Громов вздохнул, покачал головой и достал из кармана золотой портсигар. Он аккуратно вытащил сигарету, щелкнул дорогой зажигалкой и затянулся. Сизый дым медленно поплыл по салону.

— Твой сын утонул, Андрей, — ровным, лишенным эмоций голосом произнес полковник. — Это официальная версия следствия. И другой версии не будет. Водолазы работают, тело найдут. Тебе нужно просто поехать домой, выпить водки, поддержать бывшую жену и заняться своей работой. У тебя ведь крупный аудит на следующей неделе в Москве, верно? Вот и займись им.

— Вы покрываете похитителей, — тихо сказал Андрей. — Вы знаете про фонд «Ориентир», знаете про Волкова. Вы получаете от них деньги или вас просто запугали их покровители?

Лицо Громова мгновенно изменилось. Доброжелательная маска слетела, обнажив холодную, безжалостную суть человека, наделенного неограниченной властью в этом регионе. Он подался вперед, и Андрей почувствовал тяжелый запах табачного перегара.

— Послушай меня сюда, аудитор, — прошипел полковник, и его голос зазвучал как удар хлыста. — Ты думаешь, твои миллионы и твои связи в налоговой могут тебя защитить? Ты здесь никто. Пыль под моими ногами. Если ты не прекратишь свои поиски, если еще раз появишься в районе лагеря или начнешь задавать вопросы людям из фонда, ты не просто потеряешь сына. Ты потеряешь все.

Громов сделал глубокую затяжку и выпустил дым прямо в лицо Андрею.

— У тебя в машине сейчас лежит папка с какими-то бумажками, диктофон в кармане. Ты думаешь, я об этом не знаю? Мы можем прямо сейчас провести досмотр. И поверь мне, в твоём багажнике найдется столько интересного — от незарегистрированного оружия до пары пакетиков с белым порошком — что ты уедешь на строгий режим лет на пятнадцать. Твой бизнес закроют за неделю, счета заблокируют, а твоя бывшая жена подпишет любые бумаги о том, что ты сам спланировал похищение ребенка, чтобы не платить алименты. Мы сотрем тебя из этой жизни, Воронов. Сделаем так, что твое имя будут произносить только шепотом.

Андрей молчал. Он понимал, что полковник не блефует. Система, против которой он пошел, была готова раздавить его в любой момент, используя весь свой административный и силовой ресурс. Они не боялись закона, потому что сами были законом в этом городе.

— Я тебя предупредил, — Громов откинулся на спинку сиденья и жестом показал оперативнику у двери, что разговор окончен. — У тебя есть двадцать четыре часа, чтобы собрать вещи и уехать в Москву. Если завтра вечером я увижу твою машину в области, ты пожалеешь, что вообще родился на свет. Выметайся.

Андрей открыл дверь и вышел под проливной дождь. Дверь внедорожника с глухим стуком закрылась за его спиной. Машина резко тронулась с места, обдав его грязной водой из лужи, и быстро растворилась в серой пелене промзоны.

Андрей стоял у своей машины, не обращая внимания на потоки холодной воды, которые заливали ему лицо и стекали за воротник пальто. Его тело дрожало от смеси ярости, бессилия и ледяной решимости.

Угрозы Громова доказали ему главное: он на верном пути. Если бы его поиски были бесполезными фантазиями убитого горем отца, полковник полиции не стал бы лично перерезать ему дорогу в промзоне и угрожать тюрьмой. Они боялись. Боялись, что он

докопается до сути их схемы, разрушит их тщательно выстроенный бизнес на детских душах и покажет миру истинное лицо тех, кто прикрывается заботой о духовной безопасности.

Он сел в свой внедорожник, завел двигатель и включил фары. Свет разрезал темноту промзоны, выхватывая из темноты бесконечные струи дождя.

Андрей посмотрел на пассажирское сиденье, где лежала папка с финансовыми документами «Ориентира» и черный блокнот Дениса. Он вытащил телефон, разблокировал экран и посмотрел на фотографию сына, которая стояла на заставке. Денис улыбался, держа в руках маленькую модель самолета, которую они собрали вместе в те редкие выходные, когда Андрей оставался дома.

«Я не отступлю, Денис», — мысленно произнес Андрей, и его пальцы сжали руль до боли в суставах. — «Даже если они заберут у меня все. Даже если мне придется пойти против всей этой системы. Я найду тебя».

Он включил передачу и нажал на педаль газа. Тяжелый внедорожник медленно тронулся с места, выезжая с территории промзоны на залитое дождем шоссе. Время полумер закончилось. Теперь это была война, в которой у него не было права на ошибку, а единственным союзником оставалась его собственная, холодная и расчетливая злость.

Глава 6. Пазловые люди

Сквозняк из разбитого окна в прихожей шевелил пожелтевшие газеты на полу. Андрей сидел на кухне дядиной квартиры, обхватив ладонями кружку с горячей водой. Отопление в старом доме на Петроградской стороне работало слабо, чугунные батареи едва теплились, и сырость, принесенная с карельских болот и заброшенных подвалов спецбольницы, казалось, въелась под самую кожу. Его одежда, развешанная на веревке над плитой, пахла мокрой шерстью, ржавчиной и прелым листом.

Кирилл Широков сидел напротив, уткнувшись в экран своего ноутбука. Его лицо, освещенное тусклым синеватым светом монитора, выглядело серым и осунувшимся.

Журналист не спал всю ночь, разгребая архивы и сопоставляя данные, которые Андрей привез из своей поездки.

— Я нашел ее, Андрей, — тихо произнес Кирилл, не поднимая глаз. — Школьный психолог Дениса. Ксения Новак. Она уволилась из гимназии на следующий день после того, как твоего сына увезли в лагерь. Официальная формулировка — по семейным обстоятельствам, в связи с переездом за границу. Но самое интересное не это.

Андрей сделал глоток горячей воды, чувствуя, как тепло медленно разливается по пищеводу, но не доходит до замерзших конечностей.

— Куда она уехала? — спросил он.

— В Чехию. В Прагу, — Кирилл повернул ноутбук к Андрею. — Я поднял ее профессиональный бэкграунд. До того как устроиться в элитную гимназию, где учился Денис, она три года провела в Чехии. Проходила стажировку в организации, которая позиционирует себя как центр помощи жертвам деструктивных культов. Они используют методы, которые официально запрещены в большинстве цивилизованных стран.

Андрей внимательно вглядывался в фотографию Ксении на экране. Молодая женщина с гладко зачесанными темными волосами, тонкими губами и холодным, почти отсутствующим взглядом. Он вспомнил ее. Она всегда казалась ему слишком тихой, незаметной. На школьных собраниях она сидела в углу, делая пометки в блокноте. Андрей тогда радовался, что в гимназии есть специалист, который следит за психологическим климатом. Он и подумать не мог, что этот специалист методично изучал его сына.

— У меня есть анонимизированное досье по одному чешскому кейсу за 2022 год, — Кирилл открыл другой файл.

Микро-кейс: Дело Яна Марека (Брно, Чехия, 2022 год) *Суть дела:* Двенадцатилетний Ян Марек был изъят из семьи матери после того, как его отец, крупный спонсор местной антикультовой группы, обвинил бывшую жену в принадлежности к сектантскому движению. Психологическое сопровождение ребенка осуществляла группа специалистов, связанных с представительством европейской антикультовой сети. *Методы:* Ребенка поместили в изолированный загородный центр. В течение трех месяцев ему запрещали любые контакты с матерью и сверстниками.

Согласно внутренним протоколам центра, к мальчику применялась методика «семантической депривации» — его заставляли часами переписывать тексты, содержащие осуждение его матери, и рисовать определенные геометрические фигуры для «очищения подсознания от деструктивных образов». *Результат:* У ребенка появились тяжелые посттравматические симптомы: вспышки агрессии, самоповреждающее поведение, эпизоды дереализации и провалы памяти. В октябре 2022 года Ян совершил побег из центра. Его нашли через двое суток на заброшенной железнодорожной станции в состоянии глубокого кататонического ступора. Дело было закрыто под давлением правительственных экспертов, заявивших, что состояние ребенка ухудшилось из-за «сектантского влияния матери», а действия психологов были оправданной терапией.

Андрей смотрел на сухие строчки отчета. Методы пугающе перекликались с тем, что происходило с Денисом. Это была не просто педагогическая коррекция. Это была целенаправленная, жестокая ломка детской психики, замаскированная под научную деятельность.

— Они называют это кодированием, — сказал Кирилл, закрывая ноутбук. — Я связался с человеком, который прошел через это. Он согласился встретиться. Но предупредил: если мы приведем за собой хвост, он просто уйдет. Он до смерти запуган.

Район Купчино в ноябре выглядел как декорация к фильму о затяжной депрессии. Одинаковые серые панельные девятиэтажки тянулись вдоль Бухарестской улицы, разделенные пустырями, на которых под дождем мокла пожухлая трава. Вода скапливалась в глубоких лужах на разбитом асфальте, отражая тусклое, свинцовое небо.

Они припарковали машину во дворе одного из таких домов. Андрей осмотрелся. Вокруг не было ничего примечательного — обычный спальный район, где люди живут своей тихой, незаметной жизнью, стараясь не смотреть по сторонам.

Максим жил на седьмом этаже в коммунальной квартире. Ему было девятнадцать лет, но выглядел он максимум на пятнадцать. Худой, сутулый, в растянутом черном свитере с оборванными рукавами. Его лицо было бледным, почти прозрачным, а под глазами залегли глубокие темные тени. Когда Андрей и Кирилл вошли в его маленькую комнату, Максим сидел на подоконнике, поджав колени к подбородку, и нервно курил, стряхивая пепел в пустую жестяную банку из-под пива.

В комнате пахло сыростью, дешевым табаком и застарелым страхом. На стенах не было плакатов или фотографий — только голые обои в цветочек, местами ободранные. Единственным украшением был старый компьютер на скрипучем деревянном столе.

— Вы без хвоста? — вместо приветствия спросил Максим. Его голос был тихим, надтреснутым, а пальцы, державшие сигарету, заметно дрожали.

— Без, — Андрей присел на единственный свободный стул у стола. Кирилл остался стоять у двери, прислонившись спиной к косяку. — Максим, меня зовут Андрей. Мой сын Денис пропал из лагеря «Светлый путь». Я знаю, что ты был в таком же месте несколько лет назад.

При упоминании лагеря Максим вздрогнул. Он сделал глубокую затяжку, закрыл глаза и медленно выпустил дым сквозь зубы.

— «Светлый путь»... — прошептал он. — Они часто меняют названия. Раньше это называлось «Школой духовного роста» под Приозерском. Но люди те же. И методы те же.

Андрей достал из внутреннего кармана куртки черный блокнот Дениса и аккуратно положил его на стол перед парнем.

— Посмотри на это. Ты видел такие рисунки?

Максим медленно перевел взгляд на блокнот. Его зрачки мгновенно расширились. Он резко отпрянул назад, едва не выронив сигарету, и прижал руки к груди, словно защищаясь от удара. Его дыхание стало частым, прерывистым.

— Уберите... уберите это, — задыхаясь, произнес он. — Пожалуйста, уберите.

— Максим, успокойся, — мягко сказал Кирилл, делая шаг вперед. — Все хорошо. Мы здесь, чтобы помочь. Нам нужно понять, что это значит.

Прошло несколько минут, прежде чем Максим смог справиться с приступом паники. Он сделал несколько глубоких вдохов, вытер пот со лба рукавом свитера и снова посмотрел на блокнот, но уже с безопасного расстояния.

— Это длинные люди, — тихо заговорил он, и в его голосе послышался детский, беззащитный ужас. — Они приходят, когда ты спишь. Точнее, когда тебе кажется, что ты спишь. Это визуальные триггеры. Часть программы.

— Какой программы? — спросил Андрей, подаваясь вперед.

— Пазловое кодирование, — Максим обхватил себя руками за плечи, словно ему было холодно. — Обычные люди думают, что зомбирование — это когда тебя привязывают к стулу, светят лампой в глаза и заставляют повторять одну и ту же фразу. Но это прошлый век. Это не работает. Наш мозг слишком умен, он сопротивляется прямому давлению. Поэтому они действуют по-другому. Они разбивают команду на мелкие части. На пазлы.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Андрей не торопил его, понимая, что каждое слово дается парню с огромным трудом.

— Представь, что тебе нужно заставить человека совершить определенное действие, — продолжил Максим, глядя в окно на стекающие по стеклу капли дождя. — Если ты скажешь ему об этом прямо, его сознание заблокирует команду. Но если ты разделишь эту команду на десять мелких, несвязанных между собой фрагментов и внедришь их в его подсознание в разное время, защита не сработает.

— Как они их внедряют? — спросил Андрей.

— Через все, что окружает ребенка, — ответил Максим. — Детские игры, комментарии в соцсетях, учебные пособия, статьи в интернете, даже через разговоры со школьным психологом. Ксения... она была мастером этого дела. Она играла с нами в «безобидные» ассоциативные игры. Показывала картинки, просила продолжить фразу, сочинить сказку. Мы думали, это просто тесты. Но на самом деле она закладывала в наше подсознание устойчивые ассоциации.

Максим снова посмотрел на блокнот Дениса.

— Первая волна — это всегда подготовка почвы, — заговорил он быстрее, словно пытался выговориться, пока страх снова не парализовал его. — Они создают в голове ребенка состояние постоянной тревоги и вины. Они используют его естественные страхи — страх одиночества, страх не оправдать ожидания родителей. Они внушают ему, что мир взрослых прогнал, что родители — это источник опасности и греха. Ребенок начинает чувствовать себя чужим в собственной семье. Его фронтальная кора, отвечающая за критическое мышление, постепенно отключается под воздействием постоянного стресса.

— А другие волны? — спросил Кирилл.

— Есть также направляющая, — кивнул Максим. — В подсознание закладываются конкретные образы и поведенческие паттерны. Вот эти рисунки в блокноте вашего сына — это не просто фантазии. Это визуальные ключи. Когда ребенок рисует этих безликих существ, он подтверждает, что пазл в его голове начинает складываться. Эти образы нормализуют идею ухода, идею очищения через исчезновение. Ему внушают, что уйти с «длинными людьми» — это единственный способ спасти свою душу и наказать родителей за их безразличие.

Андрей вспомнил слова из аудиозаписи Дениса: «Я хочу очиститься от его скверны. Я хочу уйти туда, где тихо». Теперь эти слова не казались бредом похищенного ребенка. Это была навязанная формула, заложенная в его голову задолго до того, как он оказался в лагере.

— Но зачем им эти рисунки? — спросил Андрей. — Почему похититель заставляет детей рисовать их и прятать?

Максим горько усмехнулся, и эта затаенная боль на его лице выглядела пугающе на девятнадцатилетнем парне.

— Это их система связи, — ответил он. — Похитители — они ведь не действуют в одиночку. Это огромная сеть. И им нужно как-то общаться между собой, передавать сигналы, не привлекая внимания. Они используют детские рисунки как способ коммуникации с внешним миром.

— Как это работает? — Кирилл подался вперед, быстро записывая слова Максима в свой блокнот.

— Ребенок рисует этот символ — круг с тремя линиями — и определенных существ, — пояснил Максим. — Психолог или вожатый, который находится в доле, фотографирует этот рисунок и выкладывает его на определенном ресурсе в интернете. Или просто оставляет блокнот в условленном месте. Для внешнего наблюдателя это просто детские каракули, бред нестабильного подростка. Но для сообщников это четкий сигнал: «Объект готов. Нужные реакции закреплены. Можно переходить к финальной стадии». Это маркер готовности. Они видят, что ребенок достаточно подавлен и уязвим для следующего внушения.

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Было слышно только, как на кухне за стеной шумит старый холодильник и капли дождя бьются о металлический отлив окна. Андрей смотрел на свои руки. Он чувствовал себя беспомощным перед этой невидимой, технологичной машиной уничтожения, которая использовала его собственного сына как деталь в своем механизме.

— Максим, — тихо спросил Андрей. — А третья волна? Как происходит активация?

Максим задрожал сильнее. Он обхватил голову руками, словно пытался защититься от звуков, которые слышал только он сам.

— Финальная волна — это триггер, — прошептал он. — Это может быть что угодно. Определенное слово, сказанное вожатым, песня, запущенная по лагерному радио, или даже просто статья в местной газете, которую ребенку «случайно» дают прочитать. В этой статье может быть написано о каком-то старом происшествии, но в текст встроены определенные семантические маркеры. Частота повторения слов, числовые коды, специфические фразы. Обычный человек прочитает и ничего не заметит. Но для ребенка, которого месяцами приучали связывать эти слова со страхом и виной, это как щелчок тумблера. Шестеренки приходят в движение. Он может принять навязанную мысль за свою и начать действовать так, будто это его собственное, осознанное решение.

Максим поднял голову, и Андрей увидел, что по его бледным щекам текут слезы.

— Я... я чуть не убил свою мать, — признался парень, давясь рыданиями. — В шестнадцатом году, когда меня вернули из того центра. Они заложили мне в голову эту мысль. Я должен был открыть газ ночью, когда все спали. Я уже стоял на кухне, моя рука лежала на вентиле плиты. И в этот момент... я не знаю, что произошло. Наверное, просто чудо. Я увидел на холодильнике нашу старую фотографию из зоопарка, где мы с мамой улыбаемся. И у меня в голове словно что-то треснуло. Я понял, что эти мысли — открыть газ, убить ее — они не мои. Что кто-то чужой сидит у меня в голове и двигает моими руками. Я упал на пол и начал кричать. Мама прибежала, вызвала скорую... Меня долго лечили. Но эти панические атаки... они до сих пор со мной. Каждый раз, когда идет дождь, мне кажется, что длинные люди стоят за моим окном и ждут, когда я закончу то, что они во мне начали.

Кирилл подошел к Максиму, положил руку ему на плечо и тихо заговорил, пытаясь успокоить парня. Андрей поднялся со стула. Внутри него бушевал пожар, скрытый под маской ледяного спокойствия.

Теперь он знал правду. Его сына не просто похитили ради выкупа или из мести. Денис был подвергнут долгой, многоступенчатой психологической обработке, начавшейся еще в стенах его собственной школы под руководством Ксении Новак. Его сознание постепенно расшатывали, разбивая доверие к семье и связывая страх с нужными образами, а в лагере «Светлый путь» эти фрагменты собрали в единую картину. И сейчас Денис находился под чужим давлением, принимая навязанные ему мысли за собственные.

— Есть способ вернуть его? — спросил Андрей, глядя на Максима. — Как сломать это внушение?

Максим вытер слезы ладонью и посмотрел на Андрея с глубоким сочувствием.

— Только один способ, — ответил он. — Нужно заставить его осознать, откуда взялись эти мысли. Вернуть ему критическое восприятие. Показать ему реальность, которую у него отобрали. Но для этого вы должны найти его до того, как они запустят финальную стадию очищения. Если они решат, что эксперимент закончен или находится под угрозой срыва, они просто... они просто зачистят свидетелей. Подростки, совершившие вооруженные нападения, нередко погибают сами или совершают самоубийство, и это удобный способ оборвать расследование на исполнителе. С вашим сыном они сделают то же самое. Он должен погибнуть, чтобы система осталась в тени.

Они вышли из подъезда коммуналки около пяти часов вечера. Дождь сменился мокрым снегом, который мгновенно таял на холодном асфальте, превращаясь в грязную кашу. Уличные фонари еще не включились, и район казался погруженным в серые, безжизненные сумерки.

Андрей и Кирилл сели в машину. Журналист сразу открыл свой блокнот, сверяя записи.

— Это ложится на общую картину, Андрей, — заговорил Кирилл, включая обогрев лобового стекла. — Помнишь те два случая исчезновения детей, о которых я тебе рассказывал? Максим Козлов в 2021-м и Анна Дмитриева в 2022-м. Я проверил их школьные дела. В обеих школах за несколько месяцев до исчезновения детей работали

выездные психологические комиссии от фонда «Ориентир». И в обеих комиссиях фигурировало имя Ксении. Она вела индивидуальные консультации именно с этими детьми.

— Она закладывала пазлы, — констатировал Андрей. Его голос звучал глухо, безжизненно. — Готовила почву. А потом детей отправляли в лагеря фонда, где программа завершалась.

— Но зачем им это? — Кирилл покачал головой. — Зачем создавать этих управляемых детей? Какова конечная цель?

— Тарасов был прав, — ответил Андрей, глядя на то, как дворники сгребают мокрый снег со стекла. — Это эксперимент по созданию управляемого хаоса. Они тестируют технологии контроля над разумом, которые можно использовать в политических целях. Представь, что можно заранее найти уязвимого подростка, изолировать его, расшатать, подтолкнуть к насилию и оставить всю ответственность на нем. Ребенок будет уверен, что действует сам, полиция спишет все на психическое расстройство или влияние интернета, а истинные организаторы останутся в тени, получая новые гранты на борьбу с «деструктивными культурами». Это идеальное оружие. И оно уже работает.

Андрей вытащил из кармана телефон. Сети по-прежнему не было — в этом районе связь часто глушила из-за близости военных объектов или просто из-за плохой инфраструктуры. Он открыл галерею и снова посмотрел на рисунки Дениса.

Внезапно его взгляд зацепился за одну деталь, которую он раньше не замечал.

На одном из рисунков, где безликое существо держало мальчика за руку, на заднем плане был изображен странный объект. Это была высокая, узкая башня с круглой вершиной, от которой во все стороны расходились тонкие линии, похожие на лучи солнца или радиоволны.

Андрей быстро достал брошюру центра «Рассвет», которую он забрал из квартиры Алины. На последней странице, рядом с логотипом фонда «Ориентир», был напечатан тот же самый символ — круг с тремя линиями. Но если присмотреться к геометрии логотипа, он представлял собой стилизованное изображение той самой башни.

Это был не просто символ. Это было реальное место.

— Кирилл, — Андрей повернулся к журналисту. — Посмотри на этот рисунок. И на логотип фонда. Что это за башня?

Кирилл взял брошюру, внимательно изучил изображение, затем открыл карту Ленинградской области на своем планшете.

— Это похоже на маяк, — медленно произнес он. — Или на старую навигационную вышку. В Финском заливе и на Ладоге таких много. Но большинство из них давно заброшены и разрушены.

— Нам нужно найти этот объект, — сказал Андрей. — Это их координационный центр. Место, где они держат Дениса и откуда транслируют свои сигналы.

В этот момент телефон Андрея, лежавший на приборной панели, коротко завибрировал. Экран моргнул, показывая, что связь на секунду появилась.

Пришло новое текстовое сообщение от скрытого номера.

«Ты начинаешь видеть узоры на воде, Андрей. Но узоры — это лишь отражение неба. Ты нашел мальчика, который смог остановиться. Но он слаб. Он остался сухой ветвью, которая никогда не принесет плода. Твой сын сильнее. Он уже прошел через огонь очищения и готов сделать свой первый шаг. Ты думаешь, что ищешь его, но на самом деле ты просто следуешь по нашему следу, который мы сами для тебя оставили. Готов ли ты к финалу, отец?»

Андрей сжал телефон так, что пластиковый корпус жалобно хрустнул. Они знали о его встрече с Максимом. Они контролировали каждый его шаг, ведя его по своей сложной, дьявольской программе, словно он сам был лишь еще одним пазлом в их глобальной игре.

Он посмотрел на Кирилла. В глазах журналиста читался глубокий, непреодолимый страх. Они оба понимали, что зашли слишком далеко, и теперь система не оставит их в живых, если они не смогут дойти до конца и уничтожить ее корень.

Андрей завел двигатель. Тяжелый внедорожник мягко тронулся с места, выезжая со двора серой панельной девятиэтажки в Купчино. Мокрый снег продолжал падать на лобовое стекло, мгновенно превращаясь в грязную воду, а впереди их ждала холодная, темная трасса, ведущая к разгадке тайны, которая могла стоить жизни его сыну.

Глава 7. Дневники инквизитора

Дождь на Выборгской стороне казался бесконечным, он размывал очертания старых краснокирпичных заводов, превращая их в бесформенные темные глыбы. Вода стекала по стеклам внедорожника, и в этом неверном, дрожащем свете уличных фонарей Петербург выглядел как полузаброшенный индустриальный лабиринт. Андрей заглушил двигатель. Перед ним высилось серое четырехэтажное здание бывшего научно-исследовательского института, часть помещений которого теперь сдавалась под дешевые офисы и склады. Именно здесь, согласно финансовым отчетам, которые он анализировал последние часы, располагался резервный дата-центр и архив фонда «Ориентир».

Андрей не собирался действовать удаленно. После угроз полковника Громова он понял, что любое цифровое вмешательство извне будет мгновенно замечено и пресечено. Ему нужен был прямой, физический доступ к локальному архивному терминалу. В его кармане лежал зашифрованный USB-токен, который он незаметно забрал со стола адвоката Шевчука во время их встречи. Этот маленький кусочек пластика с аппаратным ключом доступа был его единственным шансом попасть в служебный контур, не оставляя обычного внешнего сетевого следа.

Он вышел из машины, натянув капюшон поглубже. Холодный ветер тут же швырнул ему в лицо пригоршню ледяных капель. Андрей быстро пересек разбитый внутренний двор, лавируя между глубокими лужами, в которых отражалось свинцовое небо.

В вестибюле здания пахло мокрым бетоном, дешевым линолеумом и застарелым табачным дымом. За облупившейся стойкой администратора сидел пожилой охранник в помятой синей форме. Он дремал, уткнувшись подбородком в грудь, под монотонное бубнение маленького телевизора, показывающего какой-то старый сериал.

Андрей не стал красться. Он пошел прямо к стойке, его шаги твердо и уверенно зазвучали на каменном полу. Охранник вздрогнул, открыл мутные глаза и попытался придать своему лицу строгое выражение.

— Вы к кому? Время видели? — проворчал он, косясь на настенные часы, показывавшие половину одиннадцатого вечера.

Андрей остановился, расстегнул пальто, демонстрируя безупречный дорогой костюм, и достал из внутреннего кармана строгое кожаное удостоверение — старый пропуск аудиторской компании, который он сохранил со времен работы с государственными структурами. Он показал его охраннику, не выпуская из рук, быстрым, профессиональным жестом.

— Плановая проверка технического контура, — ледяным, не терпящим возражений тоном произнес Андрей. — Из главного офиса. В связи с утренним сбоем на серверах «Ориентира». Мне нужен доступ в триста двенадцатый кабинет, к резервной стойке.

Охранник растерялся. Перед ним стоял человек, который выглядел и говорил как крупный чиновник или проверяющий из ведомства. В его мире такие люди не просили разрешения, они отдавали приказы.

— Так это... меня не предупреждали, — пробормотал он, листая грязную тетрадь дежурств. — Никаких заявок не поступало.

— Конечно, не предупреждали, — Андрей сделал шаг ближе, понизив голос до доверительного, но жесткого шепота. — Если бы о проверках предупреждали, они бы не имели смысла. У вас на сервере сейчас висит утечка персональных данных категории «А». Если через двадцать минут я не запущу резервный протокол, завтра утром сюда придет проверка из Роскомнадзора и прокуратуры. И первым, у кого спросят, почему его не пустили исправить ситуацию, будете вы. Как ваша фамилия? Записать в рапорт?

Этот прием Андрей использовал десятки раз во время жестких корпоративных аудитов. Люди внизу системы всегда больше всего боятся личной ответственности и упоминания контролирующих органов.

Охранник побледнел, его рука инстинктивно потянулась к связке ключей, висящей на стене.

— Да ладно вам, шеф... Зачем сразу в рапорт. Я же просто спросил. Триста двенадцатый, говорите? Это на третьем этаже, в конце коридора. Я вас провожу.

— Не нужно, — Андрей забрал у него тяжелый ключ с пластиковой биркой. — Я сам разберусь. Не отвлекайтесь от дежурства. Если кто-то будет звонить из управления — скажите, что технический аудит уже на объекте.

Он развернулся и быстро пошел к лестнице, не давая охраннику времени опомниться и начать задавать лишние вопросы.

Триста двенадцатый кабинет оказался бывшей лабораторией НИИ. Здесь было холодно, вдоль стен тянулись металлические стеллажи с коробками, забитыми старыми бумажными папками, а в центре комнаты, за импровизированной перегородкой из гипсокартона, тихо гудели две серверные стойки. Синие и зеленые светодиоды монотонно мигали в темноте, отражаясь от пыльного линолеума.

Андрей подошел к терминалу управления. Его пальцы быстро забегали по клавиатуре. Он вставил украденный у Шевчука USB-токен в порт. Экран монитора моргнул, запрашивая авторизацию. Система распознала аппаратный ключ, и на экране побежали строки системных логов.

Андрей почувствовал, как у него перехватило дыхание. Он был внутри закрытого сегмента сети фонда «Ориентир». Его аналитический ум мгновенно сориентировался в структуре каталогов. Это была не просто база данных благотворительной организации — это был детально структурированный архив, где каждая папка имела свой уровень секретности.

Он пропустил финансовые отчеты и юридические документы — все это он уже изучил ранее. Его цель была другой. В самом низу корневого каталога находился скрытый раздел под названием «Личный архив В.Е.». Валерий Евгеньевич Волков. Лидер организации, человек, который стоял за всей этой системой.

Андрей кликнул по папке. Система потребовала дополнительный пароль. Он закрыл глаза, вспоминая детали из отчетов Широкова и личных записей Елены. Волков был человеком системы, воспитанным в недрах советских спецслужб, но при этом глубоко погруженным в религиозную эсхатологию. Андрей ввел дату основания спецбольницы «Чернявское» — 1974. Мимо. Он попробовал дату рождения самого Волкова — 1948. Снова отказ.

Тогда он вспомнил цитату из сообщения, которое пришло на его телефон: «Ибо топор уже лежит у корня деревьев». Это была цитата из Евангелия от Матфея, глава 3, стих 10.

Андрей ввел на латинице: *Matth310*.

Экран моргнул зеленым. Доступ был разрешен.

Перед ним открылись десятки текстовых файлов, отсканированных рукописных листов и аудиозаписей, датированных периодом с 1998 года до последних недель. Это были личные дневники Волкова — хроника того, как создавалась и крепла его империя контроля над разумом.

Андрей открыл первый файл, датированный началом двухтысячных годов. Текст был написан сухим, академическим языком, в котором клиническая терминология странным образом переплеталась с фанатичной религиозной риторикой.

«Общество, лишенное вертикали власти, обречено на гниение. Современный родитель — это паразит, который видит в ребенке лишь продолжение своего эго, инструмент для удовлетворения собственных амбиций или, что еще хуже, обузу. Они называют это свободой и любовью, но это лишь потворство греху. Они воспитывают потребителей, эмоциональных калек, не способных к служению. Изъятие ребенка из такой среды — это не преступление. Это акт высшего милосердия, спасение души до того, как она будет окончательно отравлена скверной родительского безразличия. Мы не похищаем их. Мы изымаем их из зоны духовного заражения, возвращая им чистоту восприятия через контролируемое страдание».

Андрей почувствовал, как к горлу подступает холодный ком. Волков не просто оправдывал свои действия — он искренне верил в свою миссию. В его картине мира он был не маньяком, а хирургом, который отсекает зараженную плоть, чтобы спасти весь организм.

Он листал записи дальше, и перед ним разворачивалась чудовищная философия, уходящая корнями в самые темные страницы истории XX века. Волков подробно анализировал труды Вальтера Кюннета, теолога Третьего рейха, который обосновывал необходимость тотального контроля государства над личностью ради предотвращения «демонологического хаоса».

«Кюннет совершенно верно указывал, что истинный порядок не может быть построен на компромиссах, — писал Волков в заметке от 2012 года. — Если церковь или государство хотят сохранить общество, они должны обладать монополией на определение нормы. Те, кто не соответствует этой норме, должны быть стигматизированы и изолированы. Но Кюннет совершил ошибку, полагаясь на внешние

институты власти. Внешнее насилие вызывает сопротивление. Истинное подчинение должно быть внутренним. Ребенок должен сам захотеть отречься от своего прошлого. Мы должны разрушить его прежнюю идентичность, стереть ее до основания, чтобы на чистом листе записать новые ориентиры. И лучшим инструментом для этого является чувство вины. Вина — это идеальный клей для новой личности».

Андрей читал эти строки, и в его памяти всплывали слова Максима о «пазловом кодировании», о том, как детей систематически убеждали в их собственной греховности и вине перед родителями. Волков использовал нацистские методики дегуманизации, скрестив их с советскими разработками в области акустического воздействия, чтобы создать бесперебойный конвейер по уничтожению человеческой воли.

Он открыл папку под названием «Текущие проекты. Коррекция». Внутри находился файл: «Объект Денис В. Протокол ведения».

Андрей замер. Его пальцы задрожали, когда он кликнул по файлу. На экране появился подробный отчет, разбитый по дням. Каждая запись сопровождалась таблицами наблюдений, оценками эмоционального состояния и примечаниями психологов.

«14 ноября. Объект доставлен на базу “Чернявское”. Состояние при поступлении: умеренная тревожность, выраженная привязанность к фигуре отца. Наблюдается классический паттерн компенсации дефицита внимания через идеализацию родителя.

16 ноября. Начата первая фаза — семантическая депривация. Объект помещен в изолированное помещение. Использован акустический протокол “Тор-1” с повторяющимися звуковыми стимулами и белым шумом. Цель — снижение сопротивления и усиление внушаемости. Объект демонстрирует сопротивление, постоянно зовет отца, пытается апеллировать к воспоминаниям о совместных поездках.

18 ноября. Переход ко второй фазе — замещение образа. Проведены три сессии индивидуальной суггестии с использованием визуальных триггеров (“длинные люди”). В сознание объекта целенаправленно вводилась установка: “Отец бросил тебя, потому что ты обуза. Твоя прошлая жизнь была ложью”. Объект демонстрирует признаки глубокой депрессии, сопротивление заметно снижено. Зафиксировано появление чувства вины за собственное существование.

20 ноября. Объект демонстрирует внешнее принятие новой интерпретации прошлого. Записано аудиообращение с признанием грехов. Голос монотонен, признаки собственного “Я” практически отсутствуют. Объект выражает готовность к окончательному очищению. Процесс отречения от отца в отчете отмечен как “успешно завершённый”. Денис В. больше не принадлежит прежней системе».

Андрей закрыл лицо руками. Из его груди вырвался глухой, хриплый стон, похожий на рыдание. Они сломали его мальчика. За несколько дней они превратили его живого, веселого сына в пустую оболочку, послушную чужой воле. Они заставили его поверить, что отец — монстр, который бросил его. И самое страшное было в том, что Андрей сам дал им оружие против своего сына. Его собственное безразличие, его вечная занятость, его нежелание слушать Дениса — все это было использовано Волковым как фундамент для разрушения его психики.

Он поднял голову, его глаза горели яростной решимостью. Он должен был дочитать это до конца. Он должен был понять, где его сын сейчас.

Андрей вернулся к списку файлов и открыл таблицу под названием «Резервный фонд. Категория А».

Это был не просто список пропавших детей. Это была детально проработанная база данных, содержащая информацию о детях влиятельных семей региона. Андрей медленно листал таблицу, и его аналитический ум мгновенно фиксировал масштаб заговора.

Выписка из базы данных «Резервный фонд. Категория А»

Резник София Михайловна, 8 лет. Родитель: Резник Михаил Львович, высокопоставленный чиновник в сфере градостроительства. Статус: Наблюдение завершено. Внедрение визуальных триггеров осуществлено через школьного психолога в сентябре 2024 года. Объект готов к изъятию. Цель: Обеспечение лояльности при распределении земельных участков в прибрежной зоне Финского залива.

Коган Артем Ильич, 10 лет. Родитель: Коган Илья Борисович, владелец крупного логистического терминала в районе Усть-Луги. Статус: Изъятие запланировано на декабрь 2024 года. Подготовительная фаза завершена. Цель: Контроль над транзитными потоками нефтепродуктов.

Воробьева Елизавета Дмитриевна, 9 лет. Родитель: Воробьева Ольга Николаевна, судья одного из областных судов. Статус: На стадии активной суггестии. Цель: Обеспечение необходимых решений по уголовным делам, связанным с деятельностью фонда и его попечителей.

Андрей смотрел на эти имена и цифры. Это была не просто секта или группа фанатиков. Это была теневая структура управления регионом, которая использовала похищение и психологическую ломку детей как инструмент контроля над ключевыми фигурами в политике, бизнесе и судебной системе. Они брали в заложники самое дорогое, что было у этих людей, но делали это так тихо и изощренно, что никто не смел поднять шум. Родители сами отдавали им власть, деньги и влияние, лишь бы их дети оставались живы, пусть даже и превращенные в послушных марионеток.

Но самым страшным был последний документ, который Андрей открыл в этой папке. Он назывался «Проект “Исход”. Финальная фаза».

Текст этого документа заставил Андрея забыть о том, как дышать.

«Локальные изъятия больше не приносят необходимого эффекта, — писал Волков в плане, датированном началом ноября. — Общество привыкает к единичным трагедиям, списывая их на несчастные случаи или побег. Нам нужен макромасштаб. Событие, которое потрясет всю систему до основания и заставит государство передать нам расширенные полномочия по контролю над институтом семьи.

Цель проекта “Исход” — публичное самоочищение группы детей из Резервного фонда.

Дата проведения: 30 ноября, накануне начала календарной зимы.

Место проведения: Изолированный объект “Маяк” (Ладожские шхеры).

Суть акции: Группа из пяти психологически сломленных детей, включая Дениса В. и Софию Р., совершит публичный акт отречения от своих родителей и современного мира в прямом эфире через закрытые каналы вещания, которые будут выведены на ведущие медиаресурсы. После этого дети должны исчезнуть в ходе инсценированного “ритуального ухода”, который будет представлен обществу как добровольная трагедия.

Этот шаг докажет всему миру, что современная семья мертва, а родители не способны защитить своих детей от духовной гибели. Общество содрогнется от ужаса и

паники. В условиях созданного хаоса мы выступим как единственная сила, способная навести порядок. Государство будет вынуждено легализовать наши методы и передать фонду “Ориентир” функции контроля над воспитанием и образованием подрастающего поколения. Небо окажется пустым, и судить этот мир будем мы».

Андрей откинулся на спинку стула. Его лоб был мокрым от холодного пота. До 30 ноября оставалось всего четыре дня. Четыре дня до того момента, как его сын и еще четверо детей могут погибнуть ради безумных амбиций человека, возмнившего себя богом.

Волков планировал грандиозный спектакль, где детская трагедия должна была стать инструментом политического и административного давления. И этот спектакль был просчитан с точностью до секунды, как сложнейшая финансовая сделка.

Внезапно в тишине серверной раздался резкий, сухой щелчок. Андрей мгновенно закрыл ноутбук и замер. Это был звук шагов в коридоре за дверью триста двенадцатого кабинета. Шаги были медленными, тяжелыми, уверенными. Кто-то шел прямо к его двери.

Андрей быстро вытащил USB-накопитель из порта терминала и скользнул им в карман брюк. Он огляделся. В комнате не было другого выхода — только окно третьего этажа, выходящее в темный двор, и тяжелая деревянная дверь, за которой сейчас слышались шаги.

Он бесшумно скользнул за серверную стойку, прижавшись спиной к холодному металлу корпуса. Его сердце колотилось так сильно, что ему казалось, этот стук заполнит всю комнату.

Дверь кабинета медленно открылась со скрипом. В комнату вошел человек. Андрей не видел его лица из-за перегородки, но фонарь в руке вошедшего выхватил из темноты длинный черный плащ и тяжелые армейские ботинки — те самые, следы которых он видел в лесу и в подвале спецбольницы.

Луч света от фонаря медленно скользил по стеллажам с папками, по столу с терминалом, на котором все еще светился экран авторизации.

— Я знаю, что ты здесь, Андрей, — раздался глубокий, мягкий баритон, от которого у Андрея по спине побежали мурашки. Это был голос Волкова. Тот самый голос

с видеокассеты и аудиозаписи Дениса. — Ты проделал хорошую работу. Твой аналитический ум действительно заслуживает уважения. Ты нашел архив, получил доступ. Но ты совершил ту же ошибку, что и всегда. Ты думаешь, что контролируешь ситуацию.

Волков медленно двигался по комнате, его шаги глухо отдавались в пустом пространстве. Луч фонаря приближался к серверной стойке, за которой прятался Андрей.

— Ты прочитал мои дневники, — продолжал Волков, и в его интонациях слышалась искренняя, пугающая печаль. — Ты увидел списки, проект «Исход». И теперь ты испытываешь ужас. Но этот ужас — лишь следствие твоей духовной слепоты. Ты видишь в моих действиях жестокость, потому что сам привык мерить жизнь категориями комфорта и безопасности. Но истинная любовь требует жесткости. Я спасаю твоего сына от тебя, Андрей. От твоей холодной, расчетливой пустоты, которая выжгла бы в нем все живое, сделай ты его похожим на себя.

Луч света внезапно остановился прямо на краю металлического корпуса серверной стойки, в нескольких сантиметрах от лица Андрея.

— Денис больше не твой сын, — тихо произнес Волков, останавливаясь. — Он очистился. Он готов к переходу. И ты не сможешь его остановить, потому что законы твоего мира здесь больше не работают. Ты можешь бежать, можешь пытаться передать эти файлы в полицию или прессу. Но Громов уже знает, что ты здесь. Твоя машина заблокирована на выезде. Твоя жизнь закончена, Андрей. Ты стал сухой ветвью, которую пора бросить в огонь.

Андрей понимал, что у него нет выбора. Если он останется за стойкой, его просто загонят в угол и уничтожат. Он резко выскочил из своего укрытия, направив тяжелый металлический фонарь прямо в лицо Волкову, и включил его на максимальную мощность. Яркий луч света ослепил лидера фонда. Волков инстинктивно вскинул руку, закрываясь от света, и сделал шаг назад.

Этого мгновения Андрею хватило. Он не стал нападать — он понимал, что Волков может быть вооружен, а его собственная задача заключалась в том, чтобы выжить и сохранить полученные данные.

Андрей бросился к двери. Он выскочил в темный коридор третьего этажа и побежал к пожарной лестнице в конце здания. Сзади послышался тяжелый топот бегущего Волкова и его резкий, властный крик:

— Семен! Перекрой выходы! Он идет вниз!

Андрей летел по ступеням пожарной лестницы, перепрыгивая через две ступеньки. Его дыхание было прерывистым, легкие горели от нехватки кислорода. Он понимал, что главный выход через вестибюль, где сидел охранник Семен, теперь закрыт. Ему нужен был другой путь.

На втором этаже он свернул в боковой коридор, ведущий к хозяйственному блоку и дебаркадеру для разгрузки машин. Здесь было темно, поэтому Андрей бежал, ориентируясь лишь по редким аварийным указателям выхода, которые тускло светились зеленым светом.

Сзади, на лестнице, слышались голоса — Волков и охранник Семен спускались за ним. Андрей добежал до тяжелой металлической двери дебаркадера. Она была закрыта на массивный засов. Он ухватился за холодное железо обеими руками и с силой потянул его на себя. Засов поддался с тяжелым, глухим скрежетом. Он толкнул дверь и выскочил на открытую разгрузочную платформу.

Холодный ноябрьский дождь мгновенно обрушился на него, смывая пот и грязь с лица. Андрей прыгнул с метровой высоты платформы прямо в грязь внутреннего двора. Нога скользнула по мокрой траве, он упал на одно колено, но тут же вскочил, не обращая внимания на боль в суставе.

Впереди, у ворот двора, стоял черный внедорожник охраны, перекрывая выезд его собственной машине. Из внедорожника уже выходили двое мужчин в темной форме. Андрей не побежал к своей машине, он развернулся и бросился к забору, который отделял территорию НИИ от соседней заброшенной стройки. Это был старый забор из бетонных плит, в одной из которых внизу была широкая промоина.

Он буквально прополз сквозь эту промоину, пачкая дорогой костюм в жидкой глине, и оказался на территории стройки среди груд битого кирпича, ржавой арматуры и глубоких котлованов, заполненных грязной водой.

Сзади, на территории НИИ, слышались крики и лай собак. Они пустились по его следу овчарок.

Андрей бежал сквозь темноту стройки, не разбирая дороги. Он спотыкался, падал, поднимался и снова бежал, ведомый лишь одним чувством — диким, первобытным инстинктом выживания. В его кармане лежал USB-накопитель с дневниками Волкова, списками детей и планом проекта «Исход». Эта маленькая деталь была единственным оружием, способным уничтожить империю Инквизитора и спасти его сына.

Он выскочил через пролом в заборе стройки на темную, безлюдную улицу Выборгской стороны. Дождь продолжал хлестать по асфальту, смывая его следы. Андрей побежал в сторону светящихся вдали огней проспекта, понимая, что его прежняя жизнь окончательно разрушена. Он стал беглецом, на которого объявлена охота людьми Волкова и Громова. Но теперь у него была цель, и до финала этой игры оставалось всего четыре дня.

Глава 8. Мертвый город

Снег с дождем на границе с Финляндией шел горизонтально. Ветер, дувший с залива, гнал ледяную крупу через верхушки сосен, швырял ее в лобовое стекло внедорожника и мгновенно превращал дорогу в скользкое серое месиво. Андрей вел машину на минимальной скорости, почти вслепую. Фары выхватывали из темноты лишь бесконечные стволы деревьев и редкие, покосившиеся дорожные знаки с полустертыми названиями.

После побега из архива на Выборгской стороне у него не оставалось времени на размышления. В его кармане лежал USB-накопитель с документами фонда «Ориентир», но эти файлы были лишь картой, указывающей направление. Реальность же требовала физического присутствия. Координаты, найденные в планах проекта «Исход», вели сюда — в бывший шахтерский поселок Красный Бор, затерянный среди карельских болот и гранитных скал в нескольких километрах от пограничной зоны.

Когда-то, в советские годы, здесь кипела жизнь. Местное рудоуправление обеспечивало работой более трех тысяч человек, в поселке были своя школа, дом культуры и даже небольшой санаторий для передовиков производства. Но в начале девяностых шахты закрылись, оборудование вывезли на металлолом, а люди начали спешно покидать свои дома, бросая мебель и личные вещи. Красный Бор превратился в один из сотен мертвых городов, разбросанных по карте страны — памятник несбывшимся надеждам и системному краху.

Андрей проехал мимо ржавой металлической стелы с названием поселка. Буквы «Красный Бор» едва держались на прогнивших креплениях, жалобно поскрипывая под порывами ветра. За стелой начинались первые дома. Это были двухэтажные деревянные бараки с заколоченными окнами и провалившимися крышами. Кое-где из сугробов торчали остовы сгоревших построек, похожие на черные гнилые зубы. В поселке не горело ни одного уличного фонаря. Единственным источником света были фары его машины, которые выхватывали из темноты эту картину тотального запустения.

Он остановил внедорожник у полуразрушенного здания бывшей поселковой администрации. Двухэтажная сталинка с колоннами выглядела величественно даже в своем нынешнем, полуразрушенном состоянии. Андрей выключил двигатель. Тишина, наступившая в салоне, показалась ему тяжелой, почти осязаемой. Слышно было только, как остывающий мотор машины тихо пощелкивает под капотом, да мокрый снег шуршит по крыше.

Ему нужно было сориентироваться. Связь здесь отсутствовала полностью — шкала приема на телефоне показывала пустой контур. Андрей достал из кармана распечатку документа, который он успел скопировать с сервера фонда перед тем, как ему пришлось бежать.

Из рапорта инспектора Комитета по управлению муниципальным имуществом Выборгского района И. В. Петрова от 12 апреля 2023 года, вх. № 451/У:

«...При проведении планового осмотра объектов нежилого фонда в районе закрытого поселка Красный Бор было зафиксировано несанкционированное использование территории и строений бывшего горно-обогатительного комбината, литер Б, В. На объекте проведены неустановленные строительные работы: восстановлено ограждение, установлены новые металлические ворота с электронными замками, смонтирована система видеонаблюдения. На территории наблюдается

присутствие групп лиц в полувоенной форме, а также несовершеннолетних детей, передвигающихся строем. На требования предъявить документы, разрешающие использование муниципального имущества, находящиеся на объекте лица ответили отказом в грубой форме, сославшись на покровительство руководства регионального УВД. Рекомендую направить межведомственную комиссию для проверки законности нахождения данных лиц на объекте...»

К рапорту была приложена резолюция полковника Громова: «В проведении проверки отказать. Объект используется в рамках программы патриотического воспитания молодежи фонда “Ориентир”. Материал списать в архив». Сам инспектор Петров, как следовало из базы данных, через две недели после подачи рапорта уволился по собственному желанию и спешно уехал из региона.

Андрей свернул лист и убрал его обратно. Этот документ подтверждал: Красный Бор не был просто заброшенным местом. Его пустота использовалась как идеальное прикрытие.

Он вышел из машины, кутаясь в тяжелую куртку? холодный воздух тут же заставил его вздрогнуть. Андрей пошел по центральной улице поселка, стараясь держаться ближе к стенам домов, чтобы не выделяться на открытом пространстве.

Примерно через триста метров он заметил слабый, дрожащий свет в окне одного из деревянных домов. Это было единственное жилое строение на всей улице. Около крыльца стоял старый, покрытый ржавчиной мотоцикл «Урал» с коляской.

Андрей поднялся по скрипучим деревянным ступеням и постучал в тяжелую дверь. Звук ударов показался ему слишком громким в этой мертвой тишине. За дверью послышался шорох, затем тяжелые, шаркающие шаги. Дверь приоткрылась на длину прочной металлической цепочки. В щели показалось лицо пожилого мужчины — заросшее седой щетиной, с глубокими морщинами и мутными, слезящимися глазами. На нем была старая ватная куртка, от которой пахло дешевым табаком и перегаром.

— Чего надо? — хмуро спросил старик, разглядывая Андрея с явным подозрением.

— Здравствуйте, — Андрей постарался придать своему голосу максимальное спокойствие. — Я ищу дорогу к старому горно-обогатительному комбинату. Моя машина застряла неподалеку, мне нужна помощь.

Старик прищурился. Его взгляд скользнул по дорогой куртке Андрея, задержался на его лице.

— Нет тут никакого комбината, — отрезал он и попытался закрыть дверь.

— Подождите, — Андрей придержал дверь рукой. — Я знаю, что комбинат там, на окраине. И я знаю, что там находятся люди. Из фонда «Ориентир». У меня там... у меня там сын. Его зовут Денис. Ему девять лет. Его привезли сюда несколько дней назад.

При упоминании фонда лицо старика изменилось. В его глазах появился не просто страх — это был глубокий, животный ужас человека, который знает, что за любое лишнее слово его могут уничтожить. Он попытался вырвать дверь, но Андрей держал ее крепко.

— Уходи, мил человек, — зашептал старик, испуганно оглядываясь назад, в глубь своей темной прихожей. — Уходи, пока цел. Нет тут никаких детей. И нас нет. Мы тут помираем потихоньку, никого не трогаем. А те, кто на фабрике... они не люди. Они монахи черные. Приезжают на машинах больших, без номеров. Если увидят тебя здесь — живым не уйдешь. И меня погубишь.

— Кто они такие? — настойчиво спросил Андрей. — Что они делают на фабрике?

— Суд они вершат, — прошептал старик, и его губы задрожали. — Они говорят, что скоро конец всему. Что мир погряз во грехе, и только те, кто пройдет очищение, спасутся. Они детей туда возят. Дети не кричат, не плачут. Ходят как сонные, строем. А по ночам из-под земли гул идет такой, что стены трясутся. Уходи, Христа ради!

В этот момент Андрей заметил, как в глубине комнаты старика зашевелилась занавеска. Из темноты показалось лицо молодой женщины — бледное, испуганное. Она держала в руках старый мобильный телефон и быстро нажимала на кнопки, косясь на Андрея через окно.

Андрей мгновенно понял, что происходит. Местные жители были не просто запуганы — они были полностью подконтрольны организации. Для них появление чужака было смертельной угрозой, и единственный способ выжить для них — это немедленно сдать его тем, кто контролировал фабрику.

— Семён, закрой дверь! — крикнула женщина из комнаты. — Я уже позвонила им! Они едут!

Старик с силой рванул дверь на себя. Цепочка натянулась, но выдержала. Андрей отпустил ручку и отступил на шаг. Он понял, что помощи здесь не будет. Весь этот поселок был частью ловушки, где каждый выживший житель выполнял роль добровольного надсмотрщика.

Он развернулся и побежал обратно к машине. Сзади, со стороны окраины поселка, уже доносился тяжелый, нарастающий гул мощного дизельного двигателя. Преследователи были близко.

Андрей не стал садиться в машину. Он понимал, что на дороге его внедорожник станет легкой мишенью для тяжелых машин охраны. Вместо этого он схватил с пассажирского сиденья рюкзак с фонарем, ножом и документами, запер машину и бросился в темноту, прочь от дороги, в сторону высящихся на горизонте бетонных корпусов обогатительной фабрики.

Мокрый снег забивал глаза, ноги скользили по обледенелой траве и камням. Андрей бежал через заброшенные железнодорожные пути, по которым когда-то вывозили руду. Ржавые рельсы местами уходили под воду, образуя глубокие, замерзшие лужи. Несколько раз он падал, раздирая руки о колючий кустарник, но тут же поднимался и бежал дальше, ведомый лишь одной мыслью: его сын где-то там, в этих бетонных руинах.

Через десять минут тяжелого бега он оказался у подножия главного корпуса фабрики. Это было гигантское пятиэтажное здание из серого бетона, построенное в стиле промышленного минимализма семидесятых годов. Огромные оконные проемы были лишены стекол, из них свисали куски ржавой арматуры и остатки транспортерных лент. Здание казалось вымершим, но Андрей заметил, что территория вокруг него была обнесена свежим забором из колючей проволоки, а на углах висели современные купольные камеры видеонаблюдения. Правда, сейчас, под воздействием сильного ветра и налипшего снега, многие из них были повернуты к земле или отключены.

Андрей нашел место, где забор примыкал к старой бетонной опоре ЛЭП. Он аккуратно перелез через колючую проволоку, стараясь не зацепиться одеждой, и оказался на внутренней территории фабрики.

Здесь царил идеальный, пугающий порядок. В отличие от разрушенного поселка, на территории комбината не было мусора или битого кирпича. Дорожки были

расчищены от снега, а у входа в административный корпус стояли несколько свежих деревянных скамеек.

Андрей подошел к одному из разбитых окон первого этажа и аккуратно заглянул внутрь. Помещение бывшего цеха было переоборудовано под учебный класс. Но это не был обычный школьный кабинет. Вдоль стен стояли простые деревянные парты, выкрашенные в серый цвет. На стене вместо доски висел огромный баннер с изображением того самого символа — круга, перечеркнутого тремя вертикальными линиями. Под символом было написано: «Отречение есть начало пути. Отец твой — ложь. Мать твоя — скверна. Только в тишине ты найдешь свое истинное имя».

На партах лежали аккуратные стопки тетрадей и брошюры центра «Рассвет». Андрей пролез через окно и подошел к одной из парт. Он открыл верхнюю тетрадь. На первой странице детским, неровным почерком было написано: «Я отказываюсь от грехов моих родителей. Я выбираю тишину». Запись повторялась десятки раз, страница за страницей, словно ребенка заставляли писать это в качестве наказания или медитативного упражнения.

В глубине цеха Андрей обнаружил спальную зону. Это были небольшие, изолированные друг от друга выгородки из фанеры, напоминающие тюремные камеры или стойла. Внутри каждой стояла простая железная койка с серым армейским одеялом и тумбочка. На стенах этих выгородок были наклеены рисунки — те самые безликие существа с длинными конечностями, которые он видел в блокноте Дениса.

Это место было настоящей тренировочной базой. Здесь, в полной изоляции от внешнего мира, детей лишали индивидуальности, превращая их в послушных исполнителей чужой воли.

Андрей двигался между рядами коек, чувствуя, как внутри него нарастает ледяная ярость. Он искал хоть какой-то след своего сына. И он его нашел.

На третьей койке в левом ряду лежала маленькая, испачканная в красной глине металлическая игрушка — зеленый Land Rover с отломанным задним колесом. Андрей взял игрушку в руки. Это была любимая машинка Дениса. Он всегда носил ее в кармане куртки, утверждая, что это его талисман, который защищает его, когда папы нет рядом.

Машинка была здесь. А значит, Денис находился в этом здании совсем недавно. Возможно, его увели всего несколько часов назад, когда преследователи поняли, что Андрей приближается к поселку.

Внезапно в глубине здания раздался тяжелый гул. Звук шел снизу, из подвальных помещений фабрики. Это был тот самый гул, о котором говорил старик из поселка — глухая вибрация, от которой мелко задрожали стекла в оконных рамах. Андрей положил машинку сына в карман и пошел на звук. Он нашел тяжелую железную дверь, которая была приоткрыта и вела в подвал.

Он спустился по бетонной лестнице. Здесь, под землей, коммуникации фабрики представляли собой огромный лабиринт из кабельных коллекторов, дренажных систем и старых шахтных выработок. Стены были покрыты слоем влажного мха, с потолка капала вода.

Андрей шел по подземному коридору. Гул становился сильнее, расплзался по бетону, отдавался в ребрах и зубах. Где-то над ним, в старых цехах, хлопали двери, раздавались короткие команды, тяжелые шаги. После звонка из поселка их тревога была поднята. Но здесь внизу царил другой порядок.

За поворотом он увидел ряд узких металлических дверей. На каждой был номер, написанный черной краской, и маленькое смотровое окно, закрытое мутным оргстеклом. У третьей двери стоял пустой стул, на полу валялся окурок, рядом лежала рация, из которой время от времени прорывался треск и чей-то приглушенный голос: «Группу готовить к перемещению. Нижний сектор проверить после внешнего периметра».

Андрей замер. Они искали его наверху и снаружи. Нижний сектор пока считали запертым и безопасным.

Он осторожно заглянул в смотровое окно.

Денис сидел на железной койке, завернувшись в серое одеяло. Его лицо было бледным, почти прозрачным. На коленях лежала раскрытая тетрадь. Рука мальчика неподвижно лежала на странице, пальцы были испачканы синими чернилами. Он смотрел перед собой так, словно слушал голос, которого Андрей не мог услышать.

Дверь удерживал наружный засов. Андрей ухватился за него обеими руками и медленно потянул. Металл пошел с тихим, протяжным скрипом. Андрей замер, прислушался. Сверху снова донеслись голоса, но к подвалу никто не спускался.

Он открыл дверь.

— Денис, — прошептал Андрей.

Мальчик повернул голову. В его глазах не было радости. Не было даже страха. Только усталое, послушное недоумение.

— Мне нельзя выходить, — тихо сказал он.

Андрей почувствовал, как эти слова проходят сквозь него, будто ледяная проволока. Ему хотелось схватить сына, прижать к себе, закричать, что все это ложь, но он вспомнил Максима: нужно вернуть реальность, которую у ребенка отобрали. Не спорить с программой. Не ломать ее силой. Найти живое место под ней.

Он медленно опустился перед Денисом на колени и достал из кармана маленький зеленый Land Rover с отломанным задним колесом.

— Смотри, — сказал Андрей едва слышно. — Он ждал тебя.

Денис посмотрел на машинку. Долго, неподвижно. Потом его пальцы осторожно коснулись крыши игрушки.

— Он сломался, — сказал мальчик.

— Нет, — Андрей покачал головой. — Ты сам говорил: он не сломался. Просто одно колесо нужно закрепить. Мы чинили его на кухне. Ты тогда сказал, что если вещь любишь, ее не выбрасывают.

В лице Дениса что-то дрогнуло. Очень слабо, почти незаметно. Как первый треск на льду.

— Ты тогда остался дома, — прошептал он. — Не улетел.

— Остался, — сказал Андрей. — И должен был оставаться чаще. Прости меня, Денис. Я много раз тебя не слышал. Но сейчас я слышу. Сейчас я здесь.

Сверху раздался резкий удар, потом крик:

— Нижний сектор проверить! Быстро!

Андрей поднялся. Денис испуганно прижал машинку к груди.

— Они сказали, если я уйду, будет хуже.

— Будет хуже, если мы останемся.

Он помог сыну встать. Ноги Дениса подогнулись, и Андрей почти сразу подхватил его под плечи. Мальчик был легче, чем Андрей помнил. Страшно легче.

В коридоре уже слышались шаги. Андрей не пошел назад, к лестнице. Он двинулся дальше, туда, откуда тянуло холодным воздухом и водой. Коммуникации фабрики, старые дренажные системы, шахтные выработки — все это теперь стало единственным путем наружу.

Они успели свернуть за бетонную перегородку в тот момент, когда в конце коридора вспыхнул луч фонаря.

— Третий бокс! — крикнул кто-то. — Пусто!

Андрей прижал Дениса к себе и почти понес его по узкому проходу, где приходилось идти боком. Вода доходила до щиколоток, потом до середины голени. Денис не плакал. Он только шептал себе под нос: «Машинка не сломалась. Машинка не сломалась». Андрей повторял вместе с ним, не понимая, кого из них двоих эти слова держат на ногах.

Дренажная галерея закончилась низкой решеткой. За ней темнел овраг, заросший кустами. Андрей уперся плечом в проржавевший металл. Решетка не поддавалась. Тогда он просунул в нижний край решетки найденный металлический прут и навалился всем телом. Ржавчина хрустнула. Решетка отогнулась ровно настолько, чтобы пролез ребенок.

— Денис, вперед, — сказал Андрей.

— А ты?

— Я за тобой. Сразу.

Мальчик послушно пролез наружу. Андрей протиснулся следом, раздирая куртку о металл. Они оказались в овраге за территорией комбината. Снег с дождем бил в лицо, но впервые за последние часы этот холод показался Андрею живым. Не подвальным. Не мертвым. Настоящим. Он не пошел к своей машине. Там их уже ждали бы. Вместо этого

Андрей повел Дениса вдоль старой железнодорожной насыпи, туда, где, как он запомнил по карте, уходила лесовозная дорога.

Глава 9. Вне контура

Еще на подъезде к Красному Бору, пока телефон ловил последнюю полосу связи, он отправил Тарасову короткое сообщение с координатами и одной фразой: «Если через три часа не отвечу — поднимай не местных». Тогда это казалось ему страховкой. Теперь — единственным шансом.

Через двадцать минут Денис начал спотыкаться. Андрей поднял его на руки. Еще через десять он сам почти перестал чувствовать ноги. Лес впереди расплывался в серой ледяной мути. И тогда из темноты дважды мигнули фары.

Старый темно-зеленый пикап стоял под соснами без включенного двигателя. У водительской двери — Тарасов, в тяжелой куртке, с лицом, каменным от холода и ярости.

— Живой? — спросил он.

Андрей не сразу понял, что вопрос был не к нему.

Денис слабо кивнул, все еще сжимая машинку.

— Садитесь, — коротко сказал Тарасов. — Быстро.

Они отъехали без фар, по старой лесной дороге, пока огни Красного Бора не исчезли за деревьями. Только когда телефон Андрея снова поймал сеть, он включил экран. Пальцы дрожали так сильно, что он дважды ошибся с паролем. Потом открыл заранее подготовленный архив и начал отправлять все сразу Кириллу.

Следом он набрал его самого.

— Денис со мной, — сказал Андрей, когда журналист ответил. Голос у него сорвался на этих двух словах. — Но там еще дети. Слушай внимательно. Записывай. Красный Бор — не финальная точка. Это база подготовки. Их вывозят к «Маяку». Если ждать местных, они все зачистят.

Кирилл молчал несколько секунд, потом сказал:

— Я понял.

— Не понял. Сделай так, чтобы через час это лежало везде. Не статьей. Документами. С именами, картами и временем. Пусть они тушат пожар сразу со всех сторон.

Тарасов, не отрывая взгляда от дороги, сказал:

— Я уже поднял двоих старых. Не из области.

Андрей повернулся назад. Денис лежал на заднем сиденье, укрытый курткой Тарасова. Глаза его были открыты.

— Папа, — прошептал он. — А мама знает?

Андрей сглотнул. Только теперь он понял, что за все это время ни разу не позволил себе представить этот разговор.

— Сейчас узнает, — сказал он.

К утру Красный Бор перестал быть мертвым городом. Туда вошла смешанная группа, которую уже невозможно было остановить одним звонком из регионального управления. МЧС вскрыло подвалы. Следователи нашли боксы, тетради, видеокамеры, препараты, детские вещи и свежие следы спешной зачистки. Двоих детей обнаружили в северном крыле фабрики, еще двоих — в микроавтобусе на дороге к Ладогe. Объект «Маяк» оцепили только к вечеру. Волкова там уже не было. Осталась аппаратура, обожженные края документов и черный символ на стене — круг, перечеркнутый тремя вертикальными линиями.

Елена, увидев Дениса в больничной палате, долго стояла у двери, не решаясь подойти. Потом опустилась рядом с кроватью и прошептала: «Прости меня». Денис смотрел на нее устало и настороженно. Но руку не отнял.

Через месяц Андрей принес сыну новый блокнот. Денис долго сидел над чистой страницей, держа карандаш. Потом нарисовал дом. Кривой, с неровной трубой, двумя окнами и маленькой зеленой машинкой у двери. Рядом он нарисовал три фигуры: себя, маму и папу. Над ними не было ни круга, ни линий, ни мертвого солнца.

Под рисунком Денис написал: «Здесь можно говорить».